Зиновьев

за Ленинскую

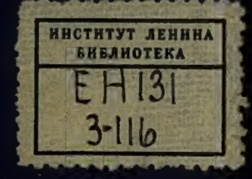
линию

в

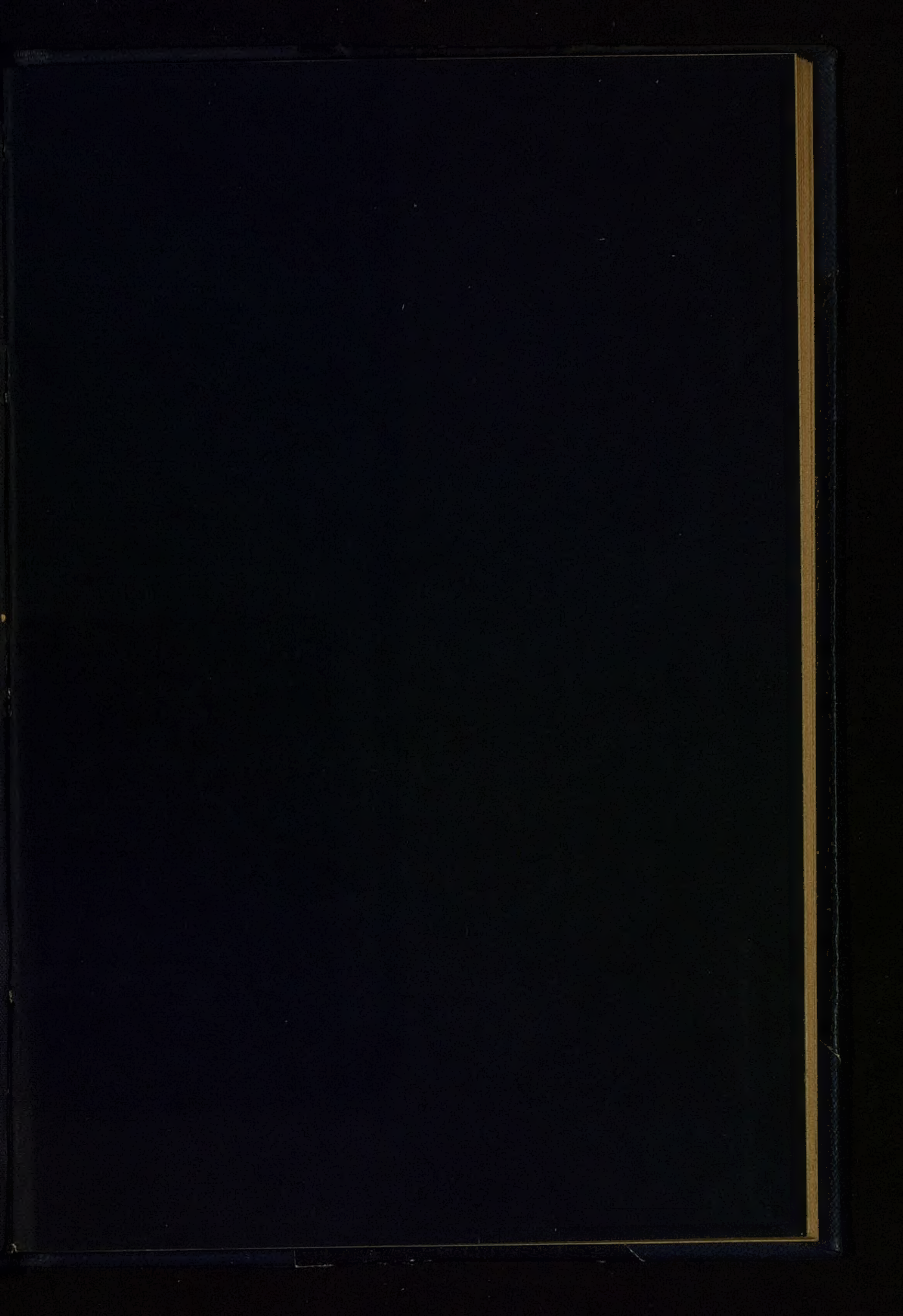
Коммунистической

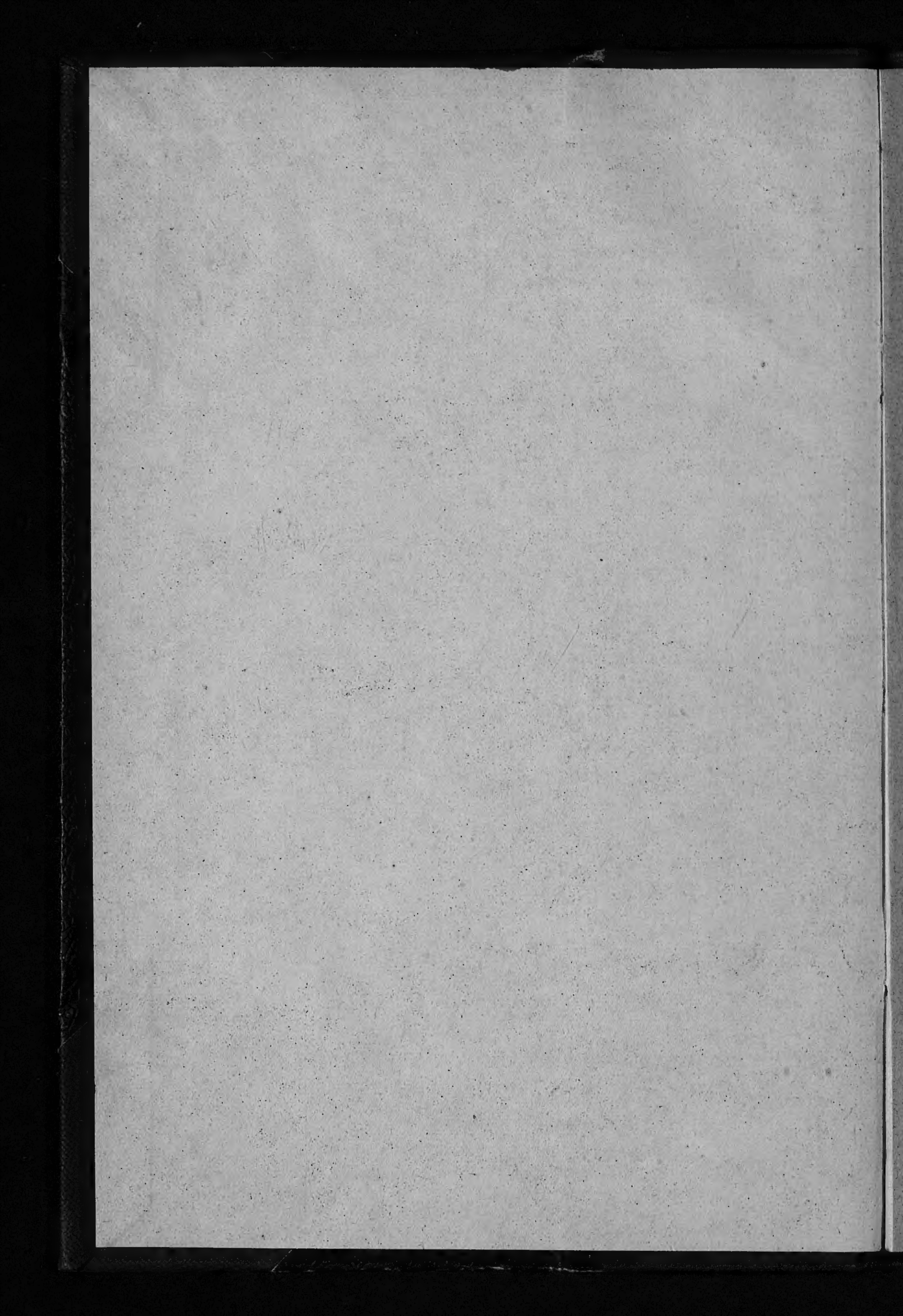
партии

Германии

Г. ЗИНОВЬЕВ

ЗА ЛЕНИНСКУЮ ЛИНИЮ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО МК РКП (б)
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

Москва, Ленинская, 26. — Ленинград, Проспект 25 Октября, 68.

ЛЕНИН, Н. — Избранные статьи и речи. С об'яснительными примечаниями, словарем встречающихся в тексте имен, хронологическими таблицами, портретами, в 4 томах. Издание 2-е. **Цена 2 р. 80 к. за том. В папке 3 р. 10 к. В коленкоровых переплетах 4 р. 25 к. за том.**
Настоящее издание представляет собой попытку дать читателю все основное и наиболее важное из написанного и сказанного Владимиром Ильичем; издание рассчитано на широкие читательские массы, которым недоступно полное собрание сочинений В. Ленина как по цене, так и по огромности материала, среди которого легко потеряться. Первое издание разошлось в течение 3 месяцев.

ЛЕНИНИЗМ или ТРОЦКИЗМ? — Сборник статей в защиту ленинизма. 2-ое дополненное издание с приложением „Уроков Октября“ Троцкого и его писем к Чхеидзе, Урицкому, Ольминскому. 300 стр. 60 коп.

Содержание. — Каменев. Троцкизм или ленинизм. Был ли Ленин действительным вождем революции и пролетариата. Сталин. Троцкизм или ленинизм. Молотов. Об уроках троцкизма. Зиновьев Большевизм или троцкизм. Куусинен. Неудавшееся изображение немецкого Октября. Сталин. Октябрь и теория перманентной революции т. Троцкого. Гусев. Как вооружалась революция.

ПЛАТТЕН, Ф. — Ленин из эмиграции в Россию. Март 1917 г. Предисловие Н. Крупской. 140 стр. 85 коп.

Как говорит в своем предисловии Н. Крупская, книга „проливает полный свет на всю историю с запломбированным вагоном“. Ф. Платтен, сопровождавший в 1917 году т. Ленина и других большевиков из эмиграции в Россию, дает подробную картину, как подготовлялась и протекала эта поездка. Книга снабжена интересной, тщательно собранной документацией, читается с большим интересом и является ценным вкладом в историю партии.

КАМЕНЕВ, Л. — Год без Ильича. Доклад на собрании ответственных партработников в МК РКП (б). **43 стр. 20 коп.**

„У меня и у вас, вероятно, одинаковая потребность вспомнить то, чему учил Владимир Ильич, вспомнить, что он заповедал нам в те дни, когда уходил от нас, и проверить нашу работу, сверяя ее и с общим учением Владимира Ильича и с последними его указаниями“. — В этих вступительных словах заключается все содержание доклада т. Каменева.

ГЛЕБОВА, Т. — Что сделал Ленин для раскрепощения женщины. С иллюстрациями. 80 стр. 45 к.

Брошюра т. Глебовой достаточно полно воспроизводит мысли и отношение Ленина к женскому вопросу. В начале ее помещено прекрасное письмо ткачихи-ленинки Меремеевой. Письмо посвящено смерти вождя. В последовательном порядке в главах о 3-х Интернационалах Глебова передает сущность международной борьбы рабочих в разрезе отношения к женскому движению. В заключение освещены вопросы „революции быта“. Рядом ярких иллюстраций, осколков нового быта наглядно показывается, какую форменную революцию в жизни женщины может совершить общественная кухня, общественная прачечная и тому подобное. И последней главой идет „призыв в партию“.

КРУПСКАЯ, Н. — О Ленине. Статьи и речи. 78 стр. 20 коп.

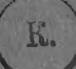
Книжка составлена из речей и статей Н. К. Крупской, впервые об'единенных в этом сборнике. Книжка дает законченное, цельное и вместе с тем близкое, интимное знакомство с личностью Владимира Ильича.

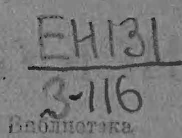
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Г. ЗИНОВЬЕВ

ЗА ЛЕНИНСКУЮ ЛИНИЮ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Красно-Пресненская
типография и словолитня
имени Богуславского
(3-я „Мосполиграф“).
Москва, Мал. Грузинская,
Охотничий пер., д. 5/7.
Главлит № 48450.
Тираж 15.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Письмо ИККИ, опубликованное около трех месяцев тому назад, встретило самое широкое сочувствие в рядах КПГ.

Сверху донизу партия обсудила его и в громадном своем большинстве встала на точку зрения ИККИ и нового ЦК. Партийная конференция, подводившая итоги дискуссии, показала, что германская коммунистическая партия, как и прежде, остается одной из надежнейших и наиболее зрелых секций Коминтерна, что рабочие с нами. Партия с новыми силами и более правильно начинает подходить к беспартийным социал-демократическим рабочим; она начинает вести подлинную борьбу за единый рабочий фронт.

В той обстановке, какая создалась, берлинские выборы были громадным успехом нашей партии. Дальнейшие выборы (в Гессене и т. д.) и целый ряд других симптомов говорят о том, что германский коммунизм идет вперед.

Результаты муниципальных выборов, тревожные голоса буржуазной прессы, смятение в рядах социал-демократической бюрократии, вызванное письмом ИККИ, показывают, что решительный удар по ультра-левым элементам КПГ и замена руководителей, не сумевших проводить линию ИККИ, сделаны правильно и своевременно.

Но было бы ошибкой думать, что ультра-левые настроения изжиты окончательно. Корни „ультра-левизны“ — в общей обстановке, в замедлении темпа развития пролетарской революции. Их нельзя окончательно ликвидировать в 2—3 месяца.

Группа Рут Фишер — Маслов стала во главе партии после банкротства Брандлера. Оппортунистическая сущность брандлеризма, выявившаяся в решающий момент для германского рабочего класса, способствовала приходу к руководству группы Рут Фишер.

Читатель в брошюре увидит, что Коминтерн никогда не был высокого мнения о достоинствах „левых“ интеллигентов. С большим опасением мы вынуждены были согласиться на то, чтобы во главе партии стали представители этой группы, заявлявшие о своем искреннем намерении осуществлять линию Коминтерна. Но Коминтерн, несмотря на опасения, не мог

согласиться с предложениями тех товарищей, которые во время нарастания революционного настроения масс хотели механически отсечь эту группу от партработы и изолировать отдельных ее представителей от партии. В этом вопросе Коминтерн поступил правильно, хотя и знал, что рано или поздно придется вступить в решительную борьбу с этими товарищами за ленинскую линию в КПГ, если они в процессе своей работы не будут ее осуществлять.

Общая линия Коминтерна остается той же, что и в 1923—1924 г. Отстранение группы Рут Фишер от руководства об'ясняется не тем, что Коминтерн изменил свою линию, а тем, что эти руководители партии так и не смогли понять основного требования ИККИ — правильного подхода к социал-демократическими рабочими массами. Группа Рут Фишер — Маслов от более или менее правильной линии, которую она проводила накануне и в первые месяцы после V Конгресса Коминтерна, начала снова возвращаться к ультра-левым методам, порою целиком совпадавшим с социал-демократическими. Этим об'ясняется, что ИККИ выступил решительно только после X с'езда КПГ, когда стало ясно, что партию хотят вести не по пути Коминтерна, а по указке мелко-буржуазной группы ультра-левых.

Три месяца, в течение которых партией руководит новый ЦК, показали, что КПГ найдет в своей среде тех пролетариев, из которых выковываются настоящие руководители.

Работа нового ЦК проходит без крикливых выступлений и парламентских жестов, но уже ясно сказывается, что товарищи, руководящие партией, в достаточной степени умеют улавливать настроение масс и разбираются в сложном переплете германской действительности.

Руководство КПГ на верном пути; а если это так, то партия, которая уже изо дня в день крепнет и качественно растет, будет способна осуществить стоящие перед нею в нынешний период проблемы: она сможет завоевать рабочие массы и выполнить свою историческую миссию.

Г. З.

К ПОЛОЖЕНИЮ ДЕЛ В ГЕРМАНСКОЙ КОМПАРТИИ [1])

Письмо ИККИ, посвященное германской компартии, вызвало громадный интерес и в России. Местами его зачитывают до дыр.

Коминтерном в отношении германской коммунистической партии принято решение громадной важности, нуждающееся в обосновании и об'яснениях перед нашей партией и перед всеми секциями Коминтерна в целом. В некоторых вопросах мы видим сейчас прямую противоположность между тем, что делается в английской компартии, и тем, что происходит в германской партии. В Англии немногочисленная, но сплоченная, хорошо работающая партия, всего из 6 тысяч человек, идет вперед, ведет за собой массы и поднимается на гребень волны. В Германии наша партия, насчитывающая (несмотря на безработицу десятков тысяч ее членов, несмотря на преследования, каторжные приговоры и пр.) около 150 тыс. членов, в настоящее время переживает острейший кризис руководства и за последний период уменьшила свое влияние в массах.

Причины тут, конечно, не личные, не случайные. Что лежит в основе успехов маленькой английской компартии и неуспехов большой германской компартии? Конечно, прежде всего б о л ь ш и е ф а к т о р ы э к о н о м и к и и м е ж д у н а р о д н о й п о л и т и к и. Я не могу на них останавливаться подробно сейчас. Но когда я дальше буду говорить перед вами о группах, фракциях, даже отдельных лицах в германской компартии, вы все время должны помнить ф о н к а р т и н ы, т.-е. о с н о в н ы е э к о н о м и ч е с к и е и п о л и т и ч е с к и е ф а к т о р ы, обусловливающие в основном ход развития германской компартии в данный период.

Поражение в конце 1923 года не могло не понизить на сравнительно долгий срок общий тон революционного рабочего движения в Германии. Наступившая частичная стабилизация капитализма в Германии сыграла особенно большую роль, ибо именно здесь до стабилизации мы имели революционную си-

[1]) Из доклада пленуму ЦК 10 октября 1925 г.

туацию. Усталость масс была огромная. План Дауэса был поэтому вначале встречен либо апатией, либо иллюзиями, — ложными надеждами на то, что теперь Германия „спасена навсегда“. С.-д. вожди сознательно культивировали эти настроения. Лишь авангард рабочего класса ясно предвидел будущие последствия плана Дауэса.

Германское рабочее движение вошло в очень тяжелую полосу, напоминающую во многом наши годы 1909—1912. Чем сильнее в Германии социал-демократия, тем мучительнее должен был стать кризис германского рабочего движения.

А германская компартия — молодая партия, мало закаленная в боях, воспринявшая после Галле громадное количество с.-д. элементов, без испытанного штаба руководителей, действующая в обстановке, которая об'ективно очень сложна и трудна. После поражения 1923 года и банкротства „брандлеризма“ кризис партии был неминуем.

Надо сказать, что вопрос о руководстве, о руководящих штабах наших партий, есть вообще один из самых больных вопросов в Коминтерне. Подбор штабов коммунистических партий есть труднейший, мучительный процесс, который не легко дается почти повсюду.

Я получил ряд писем от наших партийных товарищей, запрашивающих, что означает последнее решение Коминтерна по вопросу о Германии. Одно письмо, написанное несколькими товарищами, ставит ряд тех вопросов, которые возникают, вероятно, и у каждого из нас. И я думаю, что ответы на эти вопросы лучше всего осветят нашу тактику по отношению к германской партии.

Первый вопрос гласит так: „Означает ли письмо ИККИ какой-либо новый поворот в тактике Коминтерна, или же оно лишь выпрямляет те уклонения от тактики, намеченной III и V конгрессами, которые имели место в германской партии?“

Отвечаю: конечно, нет. Никакого нового поворота в тактике Коминтерна нет, новый поворот нам хотели бы подсунуть противники линии V конгресса и расширенного ИККИ, мы же применяем ту линию, которая была намечена и раньше.

Второй вопрос: „Если письмо означает второе, то-есть выпрямление уклонения от правильной тактики Коминтерна, то являются ли эти уклоны продуктом последнего времени (примерно, с периода президентской кампании), или же они представляют собою непрерывную цепь ошибок, начиная с Франкфуртского партейтага?“ Франкфуртский партейтаг — это тот с'езд, на котором левые

в 1924 году получили большинство. Товарищи и спрашивают, исправляем ли мы ошибки, которые совершаются со времени президентских выборов (Гинденбург), или же начиная с Франкфуртского с'езда. Наш ответ таков, что мы исправляем ошибки, совершаемые германским ЦК еще начиная с Франкфуртского с'езда, особенно сильно выявившиеся наружу ко времени президентских выборов. На Франкфуртском с'езде левыми была одержана первая организованная победа над группой Брандлера, — в общегерманском масштабе. Группа Брандлера наделала так много ошибок, что не получила на франкфуртском с'езда ни одного своего делегата. Совершенно невиданная в истории вещь: ЦК, руководивший своей партией много лет, пришел на с'езд, на котором не имел почти ни одного делегата, который бы его поддерживал. Уже одно это обстоятельство говорит о том, как много ошибок наделали правые.

На франкфуртском с'езде левые получили большинство, но они тут же совершили тьму ошибок. Мы долгое время колебались передавать руководство в руки левых. Почему? Потому что мы ясно видели, что левая состоит из двух частей: с одной стороны, из рабочих, революционно настроенных, которые близки к нам по духу, хотели стать большевиками, которые были целиком против Брандлера, и, с другой стороны, из интеллигентской верхушки, из товарищей типа Маслова и Рут Фишер, которые не имели достаточного политического стажа, были правы лишь постольку, поскольку они отвергали позицию Брандлера, поскольку сам Брандлер был слишком плох, но которые тут же сами совершали громадные ошибки. Эти „ультралевые" интеллигенты типа Маслова и Рут Фишер, Шолема и Розенберга не внушали серьезного доверия. Еще при жизни Владимира Ильича в этой же комнате у нас было несколько совещаний с германской делегацией. Все мы ясно видели, что Брандлер неправ, что рабочие, возглавляемые Тельманом, правы. Но нас отталкивала политическая „линия" Маслова, Рут Фишер, Шолема и др. Впоследствии мы решили помочь левым взять на себя руководство партией, несмотря на присутствие в их лагере Маслова и Рут Фишер. Ничего другого не оставалось.

Это сделано было, конечно, после тщательного взвешивания вопроса в политбюро РКП, как и все остальные шаги в вопросе о германской компартии. Значение германской компартии в Коминтерне очень велико. Естественно, что каждый шаг в отношении германской компартии обсуждался в наших кругах особенно тщательно и всегда предпринимался при единогласии.

Мы ясно видели, что и самый Франкфуртский с'езд, впервые давший победу левым, совершил ряд ошибок. Достаточно сказать, что резолюцию о необходимости участия коммунистов в социал-демократических профсоюзах во Франкфурте провели только благодаря ультиматуму Коминтерна, а Маслов и его

друзья были и тогда против работы в профсоюзах. Маслов декламировал на тему о том, что нам вовсе не обязательно держаться за профсоюзы, что нам нужно создать „новый тип" массовой организации. Когда наши делегаты приехали на франкфуртский с'езд, они были на ножах с Масловым и Рут Фишер, и только путем ультиматума им удалось добиться решения об участии в социал-демократических профсоюзах. Но с'езд принял это решение только формально, а на деле ультра-левые продолжали ту же политику отказа от работы в профсоюзах. Они дали лозунг: вернемся в профсоюзы, но с тем, чтобы вскоре опять быть изгнанными оттуда. Они шли в профсоюзы под плетью Коминтерна. Всякий понимает, что при таких настроениях больших положительных результатов нельзя было ожидать.

Вот почему на второй вопрос мы должны ответить: в письме ИККИ речь идет об исправлении ошибок, совершавшихся ультралевыми со времени франкфуртского с'езда, того с'езда, на котором Брандлер совершенно прогорел, где на смену ему пришла левая, состоящая из прекрасных товарищей рабочих, но возглавлявшаяся до сих пор Масловым и Рут Фишер, делавшими громадные политические ошибки.

Третий вопрос: **Означает ли письмо ИККИ, что вся политика „левой" с момента ее победы была неправильной, или же в ее политике были и положительные и отрицательные моменты, из которых последние возобладали?**

На этом вопросе также необходимо остановиться. Верно ли, что **вся линия** левых была с самого начала неправильна? Конечно, нет. В основном те гамбургские, берлинские, саксонские, рурские рабочие, которые послали на Франкфуртский с'езд левых, совершенно искренно и добросовестно хотели стать большевистской партией и постепенно становятся ею. В основном в германской партии выявилось правильное, здоровое направление, которое иногда в силу того, что верхушка вела неправильный курс, частично искривлялось. Этот факт свидетельствует о том, что лишь медленно партия складывается в большевистскую, лишь медленно происходит процесс большевизации.

Недавно состоялся в Берлине X с'езд германской компартии — первый после Франкфурта. Этот с'езд подвел известный итог и показал, что группа влиятельных руководителей, во главе с Рут Фишер и Масловым, ведет партию не вперед от Франкфурта, а назад. Мы постепенно добиваемся хотя бы одного шага вперед, а они своей практикой делают два шага назад. Им показалось, что большевизм есть механический централизм. Большевизм, по их мнению, сводится чуть ли не к тому, чтобы никому не давать слова сказать против ЦК. Самое важное в большевизме — правильный подход к массам, подлинное уменье

руководить массой, — они не разглядели. Слона не заметили.

На X с'езде представитель ИККИ и другие товарищи увидели, что чрезмерная власть, которую получила группа ультралевых руководителей, насаждавших крайний „централизм", привела к персональной диктатуре Рут Фишер. Они увидели, что партия может очутиться на краю гибели. Из партии стали исключать слишком „щедро" за малейшее слово критики; правые в результате такой политики уже начали поднимать голову, а внутри партии начали вновь усиливаться ультра-левые тенденции.

По отношению к решениям ИККИ группа Рут Фишер дипломатничала, подлинных советов ИККИ она не выполняла и принимала их только на бумаге. С'езд, как в зеркале, отразил создавшееся в партии тяжелое настроение. Тогда представители ИККИ взяли на себя смелость поставить вопрос ребром, и сейчас же после с'езда они выдвинули немецкий вопрос во всей широте. Создалось положение, что сейчас же после с'езда, после принятых уже па нем единогласно решений, необходимо было эти решения пересмотреть. Это, конечно, очень неприятно. Но другого выхода не было.

Этот с'езд подвел итоги с минусом. Оказалось, что в профсоюзах мы в значительной степени теряем влияние. На недавнем с'езде профсоюзов Германии мы имели только трех делегатов. При первичных выборах на этот с'езд мы получили, правда, 28 проц. голосов, но при помощи избирательной географии и разных манипуляций социал-демократы добились того, что на с'езд мы провели только трех делегатов. Однако, надо прямо сказать, влияние в профсоюзах мы до сих пор теряли. Целый ряд избирательных кампаний показал, что мы в Германии теряем влияние на массы. Партия по числу членов стабилизировалась, она не шла вниз, но она и не росла. Связь ее с беспартийными массами не усиливалась.

Но наибольшая беда заключается в том, что между нашими и социал-демократическими рабочими, как признала сама Рут Фишер, выросла стена, и эта стена поднимается все выше. Те рабочие делегации, которые были здесь, в том числе и немецкая, показали, что подход к социал-демократическим рабочим найти можно. Между тем громадные тактические ошибки, которые делала группа Рут Фишер и Маслова, приводили к тому, что стена между коммунистами и с.-д. рабочими не падала, а все больше вырастала. Ультра-левая ударилась в отчаянное комчванство, кричала на всех перекрестках, что мы — „единственная" рабочая партия в Германии. Ультра-левая не умела вести правильной агитации, не умела провести грани между Шейдеманами и рядовой социал-демократической рабочей массой.

Во время беседы с немецкой делегацией мы услышали от рабочих социал-демократов такие упреки: ваши коммунисты заявляют, что они не желают с нами разговаривать. Было такое

постановление одной германской организации коммунистов, что наши члены партии не должны вступать ни в какие разговоры с рабочими с.-д. Это называется — „левая“ постановка вопроса. А когда они вступают даже в разговоры, то не умеют их вести. Рабочий социал-демократ рассказывал о стенной газете коммунистов. Стенные газеты на заводах Германии привились и имеют там серьезный успех Конечно, это хорошо, но коммунисты наши не всегда умеют их вести. Рабочий социал-демократ жалуется: вот номер стенной газеты, вышедший на моем заводе, и первая карикатура в нем — не на буржуя, а на меня, завкомщика, с.-д.; меня изображают буржуем, и дают на ряду с этим такой лозунг: ни одного рабочего с.-д. ни на одном выборном посту! Меня, рабочего, смешивают с Носке, меня смешивают с Шейдеманом, а я сам знаю, что Шейдеман и Носке не бог весть какого заслуживают доверия, но мы терпим их до поры, до времени. Вместо того, чтобы по-товарищески спорить со мною, коммунисты меня третируют, как буржуя. Таково иногда отношение наших товарищей к рабочим социал-демократам. Конечно, этот с.-д. рабочий преувеличивает, но надо признать, что кое в чем он прав. И грешит этим не только верхушка, но под их влиянием и „середняк“. Все это вместе взятое, повторяю, создает стену между нашими и с.-д. рабочими.

Назавтра, после X с'езда, пришлось поставить вопрос о германской кампартии ребром. Перед с'ездом товарищи из германского ЦК были у нас в Москве, мы с ними условились насчет состава нового ЦК, мы наметили с ними, как выправить линию, как привлечь новых работников и т. д. Рут Фишер на самом с'езде эти решения провалила. Мы увидели окончательно, что она тащит партию назад, что ее группа не хочет и не умеет разговаривать с с.-д. рабочими, не умеет в нынешней обстановке частичной стабилизации, застоя, ставить повседневные вопросы рабочего движения. Наши коммунистические рабочие, — говорила недавно Рут Фишер, — не хотят и не умеют вести будничную работу, они любят „играть в солдатики“, на демонстрацию пойти — это да. Они и соберут деньги для того, чтобы поддержать союз красных фронтовиков (который существует и насчитывает 200 тысяч человек).

Красные фронтовики, в скобках сказать, хорошо организованы. Это — зачаток красной гвардии. Как раньше были красные сотни в 1923 году, так теперь там имеется организованный союз красных фронтовиков, который существует легально. По этому осколку германской действительности можно судить о том, что элементы гражданской войны в Германии не совсем заглохли и сейчас.

И вот это Рут Фишер называет игрой в солдатики. На этот союз рабочие, — говорит она, — дают деньги. Они рисковать готовы, демонстрировать не прочь; они собирают деньги для

того, чтобы поехать в воскресенье на грузовиках в деревню агитировать крестьян, этакую „праздничную прогулку“ они-де любят. А вот будничной работы рабочие, видите ли, не понимают. У них нет, мол, настроения к будничной работе. Таково мнение Рут Фишер.

Ясно, что она потеряла всякий ключ к пониманию действительных настроений рабочих. Это она не понимает будничной работы. Рабочие же отлично понимают ее, рабочая масса в буднях и сидит. Социал-демократы на том и ловят рабочих, что коммунисты, руководимые Рут Фишер, не сумели как следует защищать повседневных, будничных интересов рабочих в таких вопросах, как о налогах, о ценах, в жилищном вопросе, во всех тех вопросах, из которых складывается теперь будничная жизнь рабочего. А Рут Фишер еще говорит, что рабочие-коммунисты хотят играть в солдатики, в союз фронтовиков. Что означают, в конечном счете, такие настроения товарища, который претендует на руководство партией? В этом сказывается неверие в творческие силы масс и партии, неверие в революцию, непонимание основной сути рабочего движения.

Когда Рут Фишер говорит, что масса не заинтересована в буднях, в профсоюзной работе и проч., это показывает, что она потеряла ключ к пониманию действительных настроений масс, что руководить ими она не может. Она в своих рассуждениях похожа на эсерствовавшего профессора Энгельгардта, который после поражения нашей первой революции 1905 г. заявил, что русский рабочий не умеет бороться, что русский народ —„фефела“.

Вот при таком положении вещей нам необходимо было применить более серьезные меры. Мы могли себе теперь это позволить потому, что теперь рабочая группа, рабочее ядро ЦК, хотя и недостаточно, правда, но, наконец, окрепла и сложилась. В Исполкоме Коминтерна мы часто говорили: а есть ли действительно такая рабочая группа в германском ЦК? Мы знали, что есть в германском ЦК Тельман, что у него есть в ЦК несколько друзей, хороших революционеров, но вот способны ли они вести самостоятельную политику против „политики“ Рут Фишер? И теперь, к лету 1925 г., мы пришли к выводу, что эту рабочую группу выдвинуть можно и нужно. Я не могу сказать того, что она ведет уже партию целиком, но она ее поведет.

Четвертый вопрос, который мне ставят, сводится к тому, были ли с нашей стороны раньше попытки исправить линию руководящей группы.

Я уже попутно ответил на этот вопрос. Необходимо сказать, что были не только попытки, но и прямая борьба за выпрямление линии в сторону большевизма. Уже на первых порах, в дни франкфуртского с'езда, делегация ИККИ должна была решительно восстать против попытки группы Маслова протащить на с'езде

явно антибольшевистские тезисы „к положению, перспективе и тактике“, содержавшие неверные толкования целого ряда вопросов. Делегация ИККИ насчитала 13 пунктов разногласий с тезисами, и под ее нажимом они были радикально переработаны. Однако, банкротство правых и озлобление против них было настолько велико после поражения 1923 года, что одно время вся партия была залита „левыми“ настроениями. С этим надо было считаться.

За $1^1/_2$ года, в течение которых Рут Фишер и Маслов стояли во главе партии, нам приходилось не только лично им указывать на недочеты в работе и давать указания, но мы были вынуждены и в печати (см., напр., статью „Большевизация партии Коминтерна“, журн. „Комм. Инт.“, № 1, 1925 г.) указывать на возможные отрицательные результаты их руководства.

В самое последнее перед кризисом время Исполком Коминтерна отправил X с‘езду германской компартии письмо, в котором был намечен ряд мероприятий, которые могли способствовать выпрямлению линии руководящей группы германской партии. Не вина Исполкома, если Рут Фишер предпочла пренеобречь этими советами и блокироваться с потерявшими партийный облик ультра-левыми элементами.

Из этого видно, что попытки исправить линию Рут Фишер—Маслова были, но они сейчас только могли вылиться в решение, которое вам известно.

Пятый вопрос: Нужно ли понимать письмо ИККИ, как признание полной ошибочности той ориентации на руководящую группу во главе с Рут Фишер, которую ИККИ взял в конце 1923 года, или же как признание лишь частичной ошибки, в смысле выдвижения отдельных фигур, непригодных для руководства?

Я думаю, товарищи, что я попутно уже ответил и на этот вопрос. Конечно, мы не считаем, что у нас была ошибка в основной ориентации. Мы поддерживали руководство „левой“, несмотря на опасность со стороны Рут Фишер и Маслова, потому что другого выбора у нас не было. Мы выжидали, пока созреет наша рабочая группа. Но одно время всем нам, всем членам Политбюро РКП, казалось, что Рут Фишер и Маслов кое-чему научатся, ибо люди они способные. Мы оказывали им всю поддержку для того, чтобы помочь им развиться в большевиков. Потеряна ли эта надежда окончательно? Боюсь, что теперь потеряна. Рут Фишер подписала письмо ИККИ, лишь „подчиняясь дисциплине“. Находясь здесь, она заявила, что будет поддерживать это решение. Но перебравшись в Германию, она стала продолжать прежнюю политику, вернее — прежнее политиканство.

Шестой вопрос: Означает ли письмо ИККИ какой-либо шаг в сторону примирения с группой Радека-Брандлера? Здесь, перед Центральным Комитетом нашей партии, я, конечно, не должен подробно доказывать, что ни в какой мере решения ИККИ не означает примирения с политической линии Радека и Брандлера. Вы знаете последние выступления Радека и Брандлера на расширенном пленуме Исполкома и ответ на них со стороны Политбюро ЦК РКП, одобренный Коминтерном. Имеются лица из группы правых, которые отошли от Радека и Брандлера, и мы решительно настаиваем на привлечении их к работе. Мы привлекаем их, мы часть их уже привлекли. Мы настаиваем на возвращении в партию всех, кто желает работать в духе большевизма. Мы требуем теперь от германской партии исправления тех ошибок, которые наделала группа Рут Фишер, исключавшая направо и налево людей, этого не заслуживавших. Мы требуем привлечения к работе товарищей из группы правых, которые осознали задачи правильной работы коммунистической партии. Но против правого уклона, который, конечно, теперь пытается поднять голову, мы ведем и будем вести самую решительную борьбу.

Последний вопрос: Знала ли германская коммунистическая партия о разногласии ИККИ и группы Рут Фишер до опубликования письма?

Этот вопрос, мне кажется, тоже очень интересный. Знала ли германская партия о наших расхождениях с ее центром? Знала очень мало. Ее верхушка очень искусно лавировала между Исполкомом Коминтерна и своей партией. По поводу ряда указаний, которые мы ей давали (по вопросу об участии в работе профсоюзов и по другим вопросам), Рут Фишер перед „левыми" рабочими говорила: что поделаешь, Коминтерн требует, чтобы мы работали в профсоюзах, и мы должны подчиниться. Вы понимаете, конечно, товарищи, что так воспитывать рабочих нельзя. В то же время ее группа не брезговала использовать „антирусские", „антимосковские" настроения. Причины этих настроений обоснованы в письме ИККИ. Не буду здесь их повторять. Они вытекают из международной политики Германии, из ориентации ее буржуазии, а вслед за буржуазией и социал-демократии, на „Запад". На с'езде II Интернационала в Марселе все делегаты были похожи на дипломатов 2-го ранга, услуживающих каждый „своему" правительству (достаточно сказать, что „наш" меньшевик Дан там был чуть ли не самым „левым"). В частности, германская социал-демократия услуживаем „своему" государству. Германская буржуазия переориентировалась на Запад, отсюда — переориентация и социал-демократии, отсюда и рост некоторых антимосковских настроений среди социал-демократических рабочих. И в то же время у многих честных рабочих с.-д. — рост настроений в нашу пользу. Это положение отразилось и на

переплете внутри нашей партии. Верхушка, возглавляемая Рут Фишер, не брезговала тем, чтобы использовать такие настроения рабочих против Москвы. И поэтому все наши советы истолковывались в том смысле, что Москва тянет-де „направо". Эта нечестная игра создавала барьер между нами и некоторыми кругами германской партии. Очень важно было сломать этот барьер.

Вот ответы, которые я даю на поставленные мне вопросы. Мне кажется, что они освещают положение. Но я хотел бы еще указать на ту конкретную обстановку, которая сложилась в германской партии в данный момент. Я сказал уже что германская коммунистическая партия переживает кризис руководства.

Германский ЦК имеет ряд прекрасных рабочих, но у некоторых из них — большая скромность пролетариев. Она иногда мешает им взять дело в свои руки. Некоторые говорят: я могу руководить губкомом, но как же мне руководить партией, если даже Рут Фишер и Маслов оказались плохи и наделали ошибок, которые вам пришлось исправлять? Эта пролетарская скромность, повторяю, мешает им достаточно смело взять дело в свои руки. К тому же у них обостренное опасение: как бы не вернулись к власти в партии правые; они им порядком насолили.

И правые и ультра-левые, обе группировки подняли голову, во главе их — лидеры, искушенные во фракционной борьбе, которым теперь нечего терять. Все это создало кризис руководства.

Однако, в последнее время дело серьезно улучшается. Партия громадным большинством высказалась за ИККИ. Большинство рабочих-коммунистов вздохнуло свободно после письма ИККИ. В Берлине, — единственный центр, где оппозиция еще сильна, — организация несомненно будет завоевана, будет с нами. В массах безусловно растет и крепнет сочувствие взятой нами линии на серьезное сближение с соц.-демократическими рабочими против с.-д. вождей, на серьезное и энергичное проведение политики единого фронта; в массах — оживление самодеятельности, массы — за серьезную большевизацию партии.

Как ни велики трудности в Германии, их не надо преувеличивать. Германская компартия состоит почти исключительно из рабочих от станка. Основа партии — здоровая. В самые трудные моменты, несмотря на все ошибки вождей, при наличии очень сильных и умелых конкурентов, германская компартия все-таки ведет за собой $2^1/_2$ миллиона пролетариев. Ошибки вполне поправимы. Симпатии рабочих масс в сторону коммунизма неизбежно будут расти. Под'ем рабочего движения в Германии неизбежно станет под'емом коммунистического рабочего движения. Перерождение и загнивание германской социал-демократии прогрессирует с каждым днем. При правильной

тактике германские коммунисты завоюют весь рабочий класс Германии. Кризис изживается, как это бывало не раз с другими партиями (напр., во Франции, Англии, Чехо-Словакии, Италии, где дело теперь идет вперед и вперед). Общегерманская партийная конференция, предстоящая 31-го текущего месяца, надеюсь, сильно подвинет дело в этом направлении. Основное ядро германской компартии бодро смотрит вперед и работает не покладая рук. При затяжке международной революции, кризисы и трудности неизбежны. Но они, конечно, ни на одну минуту не обескуражат подлинных революционеров.

Я думаю, что все препятствия мы одолеем. Самое трудное, безусловно, позади. К рабочим путь мы найдем, рабочая группа ЦК создается и будет крепнуть. Мы окажем ей всякую поддержку. И весь Коминтерн поможет ей.

КОРНИ РАЗНОГЛАСИЙ[1])

НЕСКОЛЬКО СПРАВОК ИЗ ИСТОРИИ КПГ

Проблема, которую мы здесь изучаем, не носит личного характера. Это целый комплекс вопросов, в основе которых лежат важные политические проблемы.

Ультра-левые уклоны мы наблюдаем во всем Коминтерне — в Германии, Польше, Италии и отчасти в других странах. При этом надо заметить, что следует различать уклоны 1920 и 1925 гг. Это нечто совершенно иное. В 1920 г. в них были повинны еще наивные и неопытные элементы, которые до некоторой степени шли с нами. В 1925 году ультра-левые, не что иное, как потерявшие голову элементы, которые завтра будут стоять по другую сторону баррикады. Вот в чем различие. Надо сказать, что в настоящее время природа их до прозрачности ясна. Мы можем указать на десятки случаев из истории международного рабочего движения, когда люди, вчера шедшие направо, сегодня становились ультра-левыми, а послезавтра снова правыми.

Проблема руководства есть вопрос общий для всего Коммунистического Интернационала и в особенности для германской партии. Мы должны изучить этот вопрос, но не надо отделываться указаниями на общие проблемы, затушевывая таким образом свои грубейшие ошибки против собственной партии и Коминтерна. Тов. Рут Фишер вчера спрашивала с невинным видом: «С каких пор начинается ваше недоверие? Вчера мы были еще добрыми друзьями, а сегодня это неслыханное недоверие».

Да, товарищи, природа политических разногласий очень своеобразна. Состоялся только один с'езд. Но что такое с'езд? С'езд, в особенности — для молодых партий, является вехой на пути исторического развития. Для нас он был экзаменом, который должен был показать: развивалась ли партия после Франкфурта и справляются ли руководители партии с их исторической задачей; а для тов. Рут с'езд был необходимым злом. С'езд

---

1) Речь в Комиссии ИККИ по немецким делам, 13/VIII—1925 г. Перевод с немецкой стенограммы.

показал, что партия пошла назад. Поэтому «вдруг» выявилось недоверие, так сказать, разорвалась бомба.

Верно ли, что между вами и ИККИ не было разногласий до с'езда? Мы часто указывали вам на многие ошибки, но, может быть, мы были слишком вежливы. Вчера т. Бухарин совершенно справедливо сказал, что бывают люди с кожей бегемота, которые не хотят понять того, что говорится им в мягкой форме. Разногласия накоплялись постепенно. В Берлине произошел взрыв, потому что мы увидели состояние партии и поняли, что так дальше продолжаться не может.

Нам придется несколько заняться освещением истории германской партии. Мы имеем здесь лишь представителей левой; почти все они с большим благоговением говорят о Франкфуртском с'езде, который является для них идеалом, источником чистого коммунизма. Я знаю, что значит фракционный дух. Во Франкфурте вы побили правых и взяли руководство партией в свои руки; поэтому Франкфурт кажется вам идеалом коммунизма. Теперь, при подведении итогов, мы должны сказать, чем на самом деле был Франкфуртский с'езд. Думаете ли вы, что это был действительный идеал коммунизма? Ни в коем случае. Франкфуртский с'езд был хорош в том смысле, что на нем побили правых, но по сути своей он был абсолютно незрелым и далеко еще не большевистским. Вы проглядели на нем лишь пустяки. С'езд неверно решил профсоюзный вопрос, вопрос о едином фронте и, наконец, вопрос об отношении к Коминтерну. Между тем, профсоюзный вопрос есть вопрос о судьбах КПГ и всего Коминтерна. И тут вы заблудились в трех соснах. Если бы мы с большим трудом не провели компромиссного решения, то вы окончательно погубили бы германскую партию. Но и компромиссное решение вы саботировали и повели такую линию, которая вызвала ваше полное банкротство. Говорят — Брандлер виноват. Я буду бороться и дальше против Брандлера, но виноват ли он в том, что вы, побивши его, взяли не марксистскую линию. В этом виноват не Брандлер, а Маслов, если говорить о лицах.

Вы говорите — у левых сложилось впечатление, что руководство было передано в ваши руки очень неохотно. Правильно, но почему? Потому что в рядах левой были люди в роде Розенберга, Шолема, Каца и отчасти Маслова и Рут, к которым мы тогда уже питали политическое недоверие. Думаете ли вы, что мы хотя бы на секунду верили, что Розенберг левее нас? Мы не так наивны, чтобы поверить этой легенде. Тем не менее мы должны были поддержать группу левых и сделали уступку. Если мы должны были на нее пойти, то лишь потому, что лучшие революционные рабочие в своей ненависти против Брандлера шли с этими людьми. Мы уступили потому, что в ваших рядах были такие люди, как Тельман, уступили не

из-за Шолема, а вопреки Шолему и отчасти вопреки Маслову. Другие товарищи нас спрашивают, чего ради мы ждали и почему мы раньше не разоблачили эту мелко-буржуазную группу. Мы ждали, товарищи, потому, что лучшие германские рабочие, представителей которых вы здесь видите, в течение ряда лет были связаны с нею. Положение было таково, что мы не знаем, как этот вопрос мог бы разрешиться, если бы он был поставлен в категорической форме; быть может, нам пришлось бы тогда лишиться некоторых прекрасных левых рабочих. До тех пор, пока нашей правоты не поняли лучшие представители левых рабочих, мы действовать решительно не могли.

КАК ГРУППА МАСЛОВА И РУТ ФИШЕР РАЗРЕШИЛА ВАЖНЕЙШИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

В общем и целом, левая состояла из двух частей. Из хороших пролетарских элементов, с одной стороны, и из интеллигентских групп — с другой. Группу интеллигентов, в свою очередь, можно разбить на 2 подгруппы. В первой подгруппе находим взбесившихся мелких буржуа. Это никоим образом не люксембургианцы. С этим надо покончить. Они не стоят старого сапога Розы Люксембург. Тов. Люксембург допустила ряд ошибок, но она была великой революционеркой.

Что касается второй подгруппы, к которой относятся Маслов и Рут, то все мы ждали, и отчасти ждем еще и сейчас, что они выработаются в подлинных пролетарских революционеров и принесут пользу рабочему движению. Эта интеллигентская группа возымела претензию руководить не только германской партией, но и Коминтерном. Она мнила себя подлинной западно-европейской представительницей революционного марксизма. Русские, мол, деморализованы нэпом, они — крестьянская страна. Ленин умер, но зато Маслов жив. Таков был лозунг, таков он еще и сейчас. Маслов — западно-европейский гений, он хорошо изучил об'ективное положение, и он укажет путь. Что мы могли ответить на это, тем более, что большие слои рабочих коммунистов в Германии верили подобной легенде. Ей верили и люди, сидящие здесь.

Мы великолепно видели, что эта группа хочет руководить Коминтерном, чем же иным можно было об'яснить посылку эмиссаров в другие партии за спиной Коминтерна. Мы на это ответили так: мы не так узки, чтобы вступать в конкуренцию с этой группой. Работы — непочатый край, нам всем хватит места для того, чтобы приложить свои силы. Многие из нас говорили себе иногда, что, быть может, нам не все видно. Пусть европейцы откроют нам глаза. Ведь наш подход не такой уж узкий. У нас были разногласия между Лениным и Люксем-

бург, и оказалось, что ленинизм был прав и в западно-европейских вопросах. Теперь история обнаружила то же самое по отношению к другой группе, удельный вес которой, однако, гораздо меньше, чем вес Люксембург. Если нам нужна была делегация, мы обращались к германским товарищам, чтобы они приняли в ней участие.

Но группа «левых» интеллигентов решила действовать самостоятельно. И результаты этих действий налицо. Ни одна партия не приняла всерьез этой группы, так как товарищи видели, что советы ее эмиссаров не коммунизм, а сплошные глупости.

Посмотрим, как разрешила эта группа основные вопросы рабочей революции.

Возьмем профсоюзный вопрос. Западно-европейский ли это или крестьянский вопрос? Мы — крестьянская страна, как же мы можем понять профсоюзный вопрос? — так намекают «левые» Но Маслов — тот должен был его разрешить правильно, если он действительно является западно-европейским руководителем. Должна была понять его и Рут.

Но получилось обратное. Вы не сумели в этом вопросе показать путь пролетариату. Вы указали путь, ведущий его к пропасти.

Мы, коммунисты, оцениваем путь на основании результатов, а не на основании фразеологии. Результаты были таковы, что вы очистили позицию для социал-демократии. В ближайшем будущем в Германии состоится с'езд профсоюзов, и на этом с'езде мы будем представлены 5 делегатами[1]). Разве это не пропасть — в такой момент, когда массы тяготеют к нам. В Лейпциге у нас на днях была демонстрация, в которой участвовало 60.000 рабочих. У социал-демократов их было меньше, чем у нас. Но руководители партии в Германии так гениальны, что на с'езде профсоюзов мы будем представлены 5 делегатами.

Это не русский вопрос, а типичный западно-европейский. В этом типичном западно-европейском вопросе вы повели пролетариат по пути, ведущему к пропасти, и работали на пользу социал-демократии. Нам безразлично, какова была ваша цель; нас интересуют результаты. Они же таковы, что вы играли на руку социал-демократии.

Была и ваша позиция левым уклоном? Нет, это был правый уклон!

Возьмем другой вопрос — международное единство профсоюзов, связь с англичанами. И слепой видит, что здесь — ось политики Коминтерна. Пять лет мы настаивали на этой тактике, и теперь мы видим ее первые результаты.

Какова была позиция т. Рут в этом вопросе? Когда мы доказывали необходимость организовать Англо-Русский комитет,

---

[1]) На с'езде оказалось еще меньше — 2 коммуниста.

нам заявляли, что исключительно интересы русской дипломатии, а не международного пролетариата, диктуют нам такую тактику. Вы разводили демагогию для того, чтобы посеять недоверие германских рабочих к Исполкому и РКП, которые, мол, начали забывать интересы пролетариата и проводят крестьянскую политику.

Верно ли, что единство профдвижения, организация Англо-Русского комитета это — чисто русский, крестьянский вопрос? Нет, это вопрос европейский, вопрос жизни или смерти для вашего пролетариата, для современного европейского рабочего движения. В этом вопросе вы шли на деле к социал-демократии, а не к Коминтерну. Твердой линии в вопросе о едином фронте у вас не было. Мы должны были воевать за каждый шаг, так как вы не хотели этой тактики. Рут написала тогда статью, против которой мы полемизировали. И в этом вопросе мы должны были частично уступить, потому что мы знали, что лучшая часть пролетариата еще с вами, и надо терпеливо выжидать.

Мы избрали этот путь и он был правилен, несмотря на все политические издержки. Во Франкфурте здоровое зерно заключалось в том, что правые были побиты, и от Франкфурта нет оснований отказываться. Но теперь, когда у нас есть опыт, надо отбросить все, что оставалось некоммунистического и незрелого от этого с'езда.

Вы скажете, зачем ворошить прошлое? Мы бы не делали этого, если бы Маслов и Рут признали свои ошибки. А как обстоит дело в данный момент? В 1925 г. Маслов пишет книгу, в которой говорит, что Ленин был умным человеком, но в европейских вопросах он не разбирался. В этих вопросах разбирается Маслов. Третий Конгресс был-де не прав. Получается, что Маслов не только не признает, что во Франкфурте пытались указать путь, ведущий к пропасти, но говорит, что к пропасти вел Ленин.

Товарищи, верно ли, что III Конгресс был не прав? Кто верит этому, тот не может руководить партией. Тогда борьба шла вокруг тактики в профсоюзном вопросе, вокруг тактики единого фронта вообще. Радек, Брандлер и др. пытались исковеркать тактику Ленина, а теперь и Маслов пишет, что все решения Ленин проводил под влиянием Троцкого. Такое утверждение товарища, руководящего партией, не пустяк. Мы думаем, что III Конгресс указал, как надо бороться за верный путь: надо ли итти в профсоюзы, надо ли итти к социал-демократическим рабочим и как итти. Рут сделала здесь очень важное заявление, что нас от социал-демократических рабочих отделяет стена. Эта стена становится еще выше, благодаря политике Маслова в 1925 г. Вместо того, чтобы научить нашу партию, как разрушить эту стену, он пишет в таком духе что она

становится еще выше и плотнее. Этой явно небольшевистской брошюре „большевистская“ группа Рут создает неслыханную рекламу, недопустимую в партийной среде.

Если Маслов, который в 1925 г. одной рукой вносит предложение по поводу президентских выборов, более или менее правильное, а другой пишет против Ленина, против III Мирового Конгресса, если он прав в своей критике ленинизма и III Конгресса, то его предложение по поводу президентских выборов является парламентским заигрыванием. В нем не хватает теоретической основы, принципа. Эта группа имела претензию руководить Коминтерном. Мы вовсе не собирались вступать с ней в конкуренцию и сразу же заявили: „Если выплыла такая группа — хорошо, Интернационал велик, нужно дать ей возможность показать, что она может сделать“. Мы дали вам возможность проявить себя, и вы показали, на что вы способны. Вы способны погубить Коминтерн, погубить коммунистическую партию. Это доказано историей и как раз в тех вопросах, которые являются чисто европейскими вопросами, вопросами современного европейского пролетариата, теми вопросами, в которых вы хотели опередить Коминтерн.

Тов. Рут Фишер признала, что важнейшая из допущенных ошибок заключалась в том, что слишком поздно начали бороться с ультра-левыми. Это очень важное признание, нужно его записать. Но такой ли это пустяк, что вы слишком поздно увидели ультра-левую опасность. А чем был Франкфуртский с'езд, как не олицетворением ультра-левой опасности. Во Франкфурте вы сумели поставить на этот ошибочный базис почти все хорошие пролетарские элементы в Германии, в роде Тельмана и других, а теперь являетесь и говорите: этот пустяк мы проглядели.

А вопрос об ультра-левизне это в то же время — вопрос о профсоюзной работе, о подходе к массам, о стене между нами и социал-демократическими рабочими, вопрос об отношении к русской революции, к Интернационалу и т. д. В этом „маленьком“ вопросе вы ошиблись и испытания огнем не выдержали.

Кроме того, Маслов пишет статьи для „Функе“, выступая против известного письма ИККИ к берлинцам в 1921 г. Не несколько лет, а всего несколько недель тому назад, в 1925 г., т. Маслов пишет статью против ИККИ и вспоминает, что берлинская организация не хотела послать делегацию в ИККИ. Для него борьба с Коминтерном одна из самых славных страниц прошлого. Если руководитель партии Маслов в одной статье критикует ультра-левых, но в другой выступает против КИ, с восторгом вспоминая о борьбе ультра-левых с Коминтерном, то это доказывает, что он не хочет

вести с ультра-левыми серьезной борьбы, а отделывается парламентским заигрыванием. Если он действительно против Шолема, против ультра-левых, почему он три недели тому назад написал статью, в которой он вытащил на свет божий события 1921 г., и старался восстановить берлинских товарищей против Исполкома. Одно из двух: или он не понимает, что делает — чего мы не можем себе представить — или это опять-таки двойная бухгалтерия.

О первой части интеллигентов, в роде Каца и др., не стоит и говорить. Это — „левые" мещане, которые завтра будут социал-демократами. А вторая группа, с которой мы хотим сотрудничать, даже в лучшие свои времена не умеет указать правильный путь, четкую линию, ясные тенденции.

Возможно, что через две недели мы будем свидетелями политического блока — между Рут Фишер и Шолемом, так как Рут Фишер своих ошибок не признала. Политика такова, что блок может осуществиться и через два часа, если его уже нет. Исход партс'езда, введение Шолема в политбюро и другие факты показали, что на 50% этот блок уже осуществлен.

Теперь остановимся немного на вашей организационной политике. Я знаю, что товарищи изучают большевизм и хотят стать большевиками; все воззвания кончаются словами: „да здравствует большевизм". Но было бы ошибкой думать, что ваши организационные методы действительно определяются большевизмом. Я должен сказать вам, что Ленин и большевизм пользовался одним методом для врагов и другим для собственной партии. Вы совершаете ту ошибку, что крошечную часть ленинизма принимаете за целое, и далее, что средства, которые большевизм пускает в ход против врагов, вы применяете против собственной партии и Коминтерна. Не надо думать, что для того, чтобы быть вождем и руководить большой партией, стоит лишь применить такую механику, чтобы одного послать в Лондон, другого в Чехо-Словакию, и это именно называть ленинизмом. Ленин побеждал тем, что он умел *убеждать* рабочих, организовывать их и привлекать к работе. Делали ли вы это? Берлин имеет от 20 до 30 тысяч членов партии рабочих. В их среде вы не могли или не хотели найти ни одного рабочего, которого можно было бы привлечь к руководству партией! Вместо этого выдвигаются такие люди, которые не только не могут поучать рабочих, а сами должны учиться у них.

Далее вопрос о партийной литературе. Называют себя ленинистами и отдают литературу в руки Корша. Если вам указывают, что Корш — не марксист, а взбесившийся мелкий буржуа, что его надо сместить, то в ответ поднимается травля

против Исполкома. Исполком-де ведет правую политику, он не хочет, чтобы Корш ведал литературой.

Мы сперва также не понимали, почему вопрос о создании профсоюзной комиссии встретил противодействие. Теперь дело ясно. Потому что „левые“ не имели достаточно времени, чтобы войти в профсоюзную комиссию, а все остальные товарищи не казались им достаточно „надежными“. Поэтому профсоюзная комиссия не была организована и получилось, что в профсоюзном вопросе, насущном, жизненном вопросе партии, никакой работы не ведется.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНИИ ГРУППЫ РУТ ФИШЕР

От Франкфуртского до Берлинского с'езда и в политическом и в организационном отношениях сделан огромный шаг назад. Несмотря на это, об'ективное положение сейчас в общем и целом для нас благоприятнее — мы можем привлечь на свою сторону рабочий класс, вопреки ошибкам Центрального Комитета. Я слышал, что т. Рут Фишер иногда говорила: „я являюсь жертвой неблагоприятной политической ситуации, я не могу добиться сейчас побед“ и т. д. Это абсурд. Коминтерн и товарищи из Коминтерна не принадлежат к тем, которые требуют всегда побед. Мы видим трудности об'ективного положения. Но вы сделали все возможное, — поскольку суб'ективный фактор может иметь значение, — чтобы еще усилить трудности. Не потому, что не было успехов, а потому, что вы сделали чудовищные ошибки, мы коснулись всех этих старых вопросов. Уже одно то, что вы отравили партию легендой о нашем правом уклоне, означает политическое предательство по отношению к Исполкому. Речь идет не о нападках на отдельных лиц, а обо всем Интернационале: это — политическое предательство по отношению к Коминтерну.

Пытаются использовать хорошие чувства рабочих, чтобы прикрыть этим собственные грехи. Приходят к рабочим и говорят: необходимо уступить, Москва требует поворота вправо. Это был припев на всех совещаниях. Что мы, мол, можем сделать, если Исполком идет вправо. Мы сейчас же увидели, что теперь под видом левой политики создается социал-демократическая мешанина. Это была новая тактика. Все наши предостережения воспринимались как ослабление новой тактики. Воспринимались так, что все, мол, позволено. Мы должны были заявить: не новая тактика, а старая большевистская — сближение с социал-демократическими массами. Но нам ответили: мы можем голосовать за все, что угодно, мы, мол, не моралисты, мы можем все сделать. Такая постановка вопроса нелепа: ма-

неврировать надо с буржуазией, а не с Коминтерном. Вся наша работа есть маневрирование против буржуазного мира, а вы поняли это в совершенно ином смысле. Мы толкаем партию не вправо. Теперь настало время, когда мы должны сказать каждому рабочему, что называть ИККИ правым течением — предательство; мы — ленинское течение, а из кругов Шолема и Маслова идет течение, об'ективно ведущее к тому, что профсоюзы подносятся на блюде социал-демократии, а партия делается каким-то мячем; что не прекращается двусмысленная игра с рабочими массами и Коминтерном; мы должны ясно сказать, кто ведет партию вправо.

Мы достаточно своевременно сказали партии, что необходимо обратиться к социал-демократии с такими-то и такими-то предложениями. Почему этого не делают? Мы не погибаем лишь потому, что коммунизм сам по себе силен и преодолеет все ошибки и глупости, да еще потому, что социал-демократия слишком загнила.

Я слышал, что в одной речи Шнеллер сказал здесь, что вся эта история является крахом левой. Не думаю. Это крах части ультра-левой интеллигенции, крах предрассудков, незрелости этой интеллигентской группы, но отнюдь не крах левых. Понятно, что результатами хозяйничанья этих групп является то, что партия начала терять свой престиж. Никто не назовет успехом компартии выборы Гинденбурга, потерю позиций в профсоюзах, историю с ультра-левыми и отсутствие твердой, идеологически-выдержанной линии в политике. Престиж руководителей подорван не только в своей стране, но и во всех партиях Коминтерна. Несомненно, что престиж у вас был. Но, благодаря вашим методам, вы потеряли все. В Чехо-Словакии что-то неладно — тотчас же ваш эмиссар пускает в ход свои методы. Он будет поучать, что надо выбросить Шмераля, но, разумеется, ни один чешский рабочий не принимает этого всерьез. Шмераль сделал кой-какие ошибки, но рабочий не пойдет от него к посланному вами ультра-левому болтуну. То же самое в Италии, Англии, Франции, Америке. Мы все помним, что, например, американцы не хотели выбирать представителя германской партии в подкомиссию по американским делам. Кое-кто этому удивлялся. Теперь всякий понимает, почему они не хотели этого. Потому что у них хороший нюх, в особенности у рабочих элементов. Они прекрасно поняли, где серьезное стремление им помочь и где, на ряду с этим, склонность дипломатничать, играть в фракционность.

Что делать теперь? Проблема руководства есть общая проблема для всего Коминтерна и решить ее нелегко. Для Германии это тоже довольно трудная задача, так как буржуазия истребляла вождей, убила Розу Люксембург, Карла Либкнехта и др. Не надо думать, что Роза Люксембург делала одни лишь

ошибки. Она теперь была бы вождем коммунистической партии, если бы была жива. Целый слой пролетариата уничтожен, и отсюда особые трудности руководства в Германии. Что мы можем сделать при таком положении вещей? Ищут исхода в привлечении элементов из мелко-буржуазных революционных кругов. Этот опыт уже был сделан. Вы уже видели, куда это ведет. Поистине, вы хотели разыскать жемчужное зерно в навозной куче. Другой выход заключается в том, чтобы создать честное, пролетарское ядро руководителей, которое честно отнесется к Коммунистическому Интернационалу, к собственной партии, к ее решениям, к ленинизму, которое поймет, что ленинизм заключается не в мелочных фокусах-покусах, что его надо изучать по книгам, по русской революции и по собственному опыту.

ПУТИ ИЗЖИВАНИЯ КРИЗИСА

Группа мелко-буржуазных революционеров, включая Шолема, уже провалилась более чем на 100%. Теперь это уже вполне ясно. Что касается группы Рут — Маслов, то вопрос стоит иначе. У нас не так много сил, и мы должны попытаться привлечь их к работе. Но они должны понять, что это отнюдь не маленький эпизод.

Перед группой Рут две возможности. Одна заключается в том, что Рут произнесет хорошую речь, внесет каучуковую резолюцию, а затем она отправится в Берлин, воспользуется услугами ультра-левых, пойдет против Центрального Комитета и Коминтерна и попытается взять реванш. Но есть и другой выход — это признать свои ошибки, честно работать под руководством нового ЦК.

Во втором случае мы должны помочь этим товарищам выбраться из болота, в котором они погрязли. Но они должны знать, что дипломатия здесь не поможет. Нельзя на все соглашаться, а на завтра, в Берлине, поднимать против нас травлю. Рут Фишер должна обязаться защищать все, что здесь постановлено. У нас в германской партии люди имеются, если бы их не было, никто не мог бы помочь нам. Необходимо создать новый Центральный Комитет. Те элементы, которые этого не хотят, — враги партии. Вся эта травля против Москвы для нас не вопрос престижа. Ленин писал, что после того, как в прогрессивных странах произойдет революция, Россия превратится в отсталую советскую страну. Вы видите, что конкуренции не будет.

Товарищи, самое худшее, это — половинчатое решение. Я должен сказать будущему новому большинству, что оно не должно поступать так, как поступала так называемая срединная группа; оно не должно повторять ошибок последней. Срединная группа колебалась, она бросалась туда и сюда и, таким обра-

зом, все проиграла. Теперь надо пустить в ход кулак и действовать энергично. Я знаю психологию многих рабочих: да как же я, скромный рабочий, могу руководить партией? Эта честная пролетарская скромность мешает им взять на себя историческую миссию. Это прекрасное чувство, которое следует понять и оценить, но при данном положении вещей оно неуместно. В интеллигенции вы наблюдаете совершенно иную психологию, там этих сомнений и в помине нет, там вы услышите: „я только удивляюсь, почему меня не избрали два года тому назад, — я, разумеется, прекрасно справлюсь". Это — развязная интеллигентская повадка. Если иной интеллигент прочел, не переваривши, как следует, три брошюры, — он уж „может" все на свете. Надо избрать другую систему, и тогда вы справитесь с этой развязностью. Одному человеку задача руководства не по силам, но мы создадим новый ЦК, вовлечем в него лучшие элементы из тех групп, которые старыми руководителями были отстранены, мы соединим наши усилия и будем работать вместе.

Если это удастся нам, то переживаемый нами кризис принесет Коминтерну много хорошего. И тот моральный престиж, который германская партия должна иметь в Коминтерне, будет быстро ею возвращен.

НЕПОНИМАНИЕ МАСС — ОСНОВНОЕ В УЛЬТРА-ЛЕВИЗНЕ [1])

Тов. Рут, из вашей речи вытекает один несомненный вывод — что вы не можете руководить, а сами нуждаетесь в руководстве.

Вы говорите:

„Во-первых, скрытое ликвидаторство в глубоких слоях членов партии.

Во-вторых, массы не переносят будней.

В-третьих, активные рабочие бегают на демонстрации и не хотят работать в профсоюзах и на предприятиях, массы неделями копят гроши, чтобы демонстрировать, но не для профсоюзов.

Тов. Рут, такие ваши рассуждения показывают, что вы потеряли ключ. Вы знаете германский пролетариат лучше меня, но всякий знает рабочую массу. Она живет буднями. Социал-демократы побивают коммунистов лишь пониманием, что будничное для рабочих масс — крайне важное.

Они умеют это подчеркнуть, и этим живет социал-демократия. Где вы видели массу, бегущую от будней? Таковой не существует в целом мире, таких рабочих не бывает. Вы смешиваете маленькую группу профессиональных демонстрантов с самой массой. Об'ективно говоря, это такой глубокий пессимизм по отношению к массам, членам собственной партии, который может служить источником бесчисленных ошибок. Это в основе своей философия ультра-левых. Если взять их идеологическую сущность, то, что составляет главный их капитал, и оставить в стороне все персональные глупости, то получится именно этот пессимизм-убеждение, что масса не понимает будней и не хочет профсоюзной работы. Плохо ли это, что рабочие идут на демонстрацию? Это очень хорошо. Если та же самая масса не занимается профсоюзной работой, то лишь потому, что руководящие слои не умеют ее организовать. Ведь для того и нужно партийное ядро, партийная организация, руководители. Несчастье нашей массы заключается в том, что она не имеет головы. С вашим диагнозом можно погубить партию.

---

[1]) Заключительное слово в заседании комиссии ИККИ 13 VIII—25.

Вы хотите ваше собственное отсутствие дальновидности, непонимание психологии масс — свалить с больной головы на здоровую, и приписать его массам, тем массам, которые в Лейпциге десятками тысяч шли на днях на демонстрацию. Чего же вы хотите более? Вы говорите, что наши товарищи не умеют разговаривать с социал-демократическими рабочими, не умеют вплотную подойти к ним. Я не верю этому.

Верно, ваши «левые» помощники не могут понять социал-демократического рабочего. Но что партийная масса, работающая на предприятии, ежедневно встречающаяся лицом к лицу с социал-демократическими рабочими, что эта масса не умеет подойти к своим товарищам по работе — этому я не поверю, это вздор. Мы видели большие демонстрации, на которые шли массы, совместно работающие на предприятии. Рабочие прекрасно понимают как надо подходить, но ваши „теоретики", успокоившись на словах — „коммунистическая партия есть единственная рабочая партия" — они не понимают этого. Вы еще не единственная рабочая партия, вы должны стать единственной рабочей партией.

Вы проводили неверную политику и теперь хотите свалить вину на членов партии. Если в глубинах масс существуют ликвидаторские настроения, к чему же тогда партия? Мы вам верим, что вы искренно хотите с ними бороться, с ультра-левыми. Однако, вы приводите такие доводы, которые в сущности являются философией ультра-левых. В России после 1906 года нам говорили то же самое: да, для активных выступлений еще можно найти людей, но для организационной работы, для работы в профсоюзах и т. д. не сыщешь никого. Такова была психология некоторых товарищей.

Вы видите крайности ультра-левых, вы видите самое нелепое, что бросается в глаза. Но эти глупости имеют корень, идеологический стержень, и этот стержень у вас общий, если вы ставите такой диагноз. Ничего подобного в природе не существует. Это сухая вода. Наша беда в том, что рядовой рабочий слишком погружен в будни. Женщина — в семейную жизнь, рядовой рабочий — в мысль о прибавке, о рабочем времени, о своем жилье, о шкафе с посудой, который он хочет иметь и т. д. Чем берет социал-демократия? Возьмите налоговый вопрос. Социал-демократия проделала налоговую кампанию лучше, раньше и конкретнее нас; она считалась с буднями. Теперь мы в этом отношении подтянулись. Последние кампании, проведенные нами — это будни, типичные будни. Социал-демократия выигрывает тем, что она умеет найти нужные рамки для этой будничной борьбы. Вы поставили диагноз, в корне неверный.

Чтобы еще раз показать вам, что это типичный недостаток ультра-левых, я укажу на польскую партию. Что говорит Домский?

С массами ничего нельзя предпринять, они пассивны, и исходя из этого он делает анти-большевистские выводы. Я не говорю, что у вас одинаковые выводы, но аргументация одна и та же. Почему? Именно потому, что вы не понимаете, что слабая сторона наша заключается не в том, что мы слишком погружены в будни, а в том, что мы слишком мало умеем использовать будни. Ведь этому учил нас Ленин. Что означает лозунг: ближе к массам? Германский рабочий, если он действительно думает, что революция придет не так скоро, тем более он углубляется в будни. Что значит — он бежит от будничной жизни, чтобы не работать в профсоюзах? Что значит организовать массы в профсоюзы? Ведь мы организовывали стачки, руководили профсоюзной борьбой — мы ведь знаем, что значит организовать. Разумеется, массы не могут сделать этого сами. Необходимо помочь им, дать им план, людей, товарищей. Но вы приходите и говорите, что массы не хотят участвовать в профсоюзной работе, что они бегут от будничной жизни на демонстрации, в красный союз фронтовиков, они хотят играть в солдатики и т. д.

Диагноз этот неправилен в основе своей. Я безусловно уверен, что если откровенно говорить с Шолемом, если добраться до самой основы его идеологии, то получится то же самое, т.-е. глубокий пессимизм, абсолютно не обоснованный, в особенности при нынешнем положении, при повороте, переживаемом социал-демократическими рабочими. Это наиправейшая опасность и наивреднейшая ультра-абстракция. С массами ничего нельзя сделать, говорите вы. Вчера вы находили, что в этом виновата история. А теперь виноват коммунистический пролетариат. Коммунистический пролетариат не виноват; он слаб, но лишь потому, что руководители не дают ему того, что должны дать. Они дают ему минус. Вместо того, чтобы формулировать, по какому пути мы идем, всякий ваш тезис носит отрицательный характер, всякая формула дезорганизует массы. Вы, как руководительница, должны читать в глубине души рабочего класса; но когда вы читаете в ней, то читаете безграмотно. Вы не знаете азбуки, если обвиняете массы в том, что они хотят бежать от самих себя. Какую работу можете вы сделать, если вы сами того мнения, что здесь ничего не выйдет. В результате рабочие говорят: ты хорошо умеешь рассказывать о Ленине, умеешь сказать красивую речь, но что касается будней, ты ничего не можешь сделать.

Вы подтвердили высказанный в одном из наших писем взгляд, что рабочий класс в Германии говорит себе: коммунистическая партия хороша для революции, а социал-демократия хороша для будней. Если рабочие говорят так действительно, то это как раз доказывает, что средний рабочий глубоко погружен в будничную жизнь, а вы, тов. Рут, приходите и го-

ворите, что он бежит от нее. Конечно, Гессе не выносит повседневной работы, как и некоторые другие „революционеры“ на словах. Но рабочая масса переносит ее слишком легко. КПГ состоит из рабочих, из лучшей части рабочего класса. Почему бы им и не понимать будничной жизни? Но если приходят и говорят: да, мы должны делать профсоюзную работу, потому что этого требует Москва, то никаких результатов не будет.

Итак, ультра-левая философия гнездится, так сказать, в глубинах души наших собственных товарищей. Вы полагаете, что масса пассивна, что мы ее не завоевываем. Но спросим себя, почему мы имеем шансы завоевать ее. Потому что масса, лучшая часть массы — революционна. Но вы говорите обратное, тов. Рут. Вы говорите: я — революционерка, но масса в глубокой основе своей не революционна. Если организовался союз красных фронтовиков, то не думайте, тов. Рут, что это игра в солдатики; это лишь признак того, что гражданская война еще не кончилась. Стреляют, расстреливают, сажают в тюрьмы, а десятки тысяч рабочих идут в союз красных фронтовиков. Он представляет собой то, чем были „сотни“ на другой стадии развития. Красный союз фронтовиков есть определенный симптом, и на основании этого симптома история когда-нибудь скажет, изучая 1925 год: в Германии были в 1925 году элементы гражданской войны.

Видели ли вы в других странах такие явления? Нигде. Наблюдаются ли они в Англии? Нет. А во Франции лишь в незначительной степени. У вас более сотни тысяч красных фронтовиков. Разве это игра в солдатики? Шестьдесят тысяч на демонстрации в Лейпциге, 50 тысяч в Эссене, несмотря на запрещение — это что-нибудь да значит. Не видеть этого — это тоже недостаток понимания ситуации в головах отдельных товарищей.

ДВА ЕДИНЫХ ФРОНТА И НАШИ ЗАДАЧИ [1])

Теперь я несколько коснусь вопроса, почему мы не пессимистичны, почему не следует быть пессимистичными? Я думаю, что теперь, летом 1925 года, общее положение исчерпывается следующей характеристикой: речь, в сущности, идет о двух попытках создания единого фронта. С одной стороны, попытка буржуазии организовать единый фронт, с особенной силой проявившаяся летом 1925 года, а с другой стороны — наша попытка создать единый фронт в национальном и международном масштабе. Буржуазия как раз летом 1925 года пытается создать единый фронт против Советской России, и всякий понимает, что это вопрос не национального, а международного характера; если английская буржуазия подготовляет войну против Советской России, то это не русский вопрос, — это дело всего международного пролетариата. Английская консервативная партия в 1925 г. пыталась сделать это и будет пытаться на протяжении ближайших четырех - пяти лет. Почему именно в течение пяти лет? После пяти лет Советская Россия будет стоять так крепко, и красный единый фронт так разрастется, что среди буржуазии лишь кретины будут продолжать говорить об этого рода попытках.

Но именно эти пять лет носят критический характер, так как Россия вырастает именно сейчас, и буржуазия понимает очень хорошо, что если она упустит эти пять лет, то она упустит все, так как наш красный единый фронт растет. Таким образом, здесь зародыши красного и черного единого фронта, и вопрос в том, какой единый фронт осуществится раньше и победит. Черный единый фронт пока не удался, и это характерно. Французская буржуазия, японская и американская не только показали спину англичанам, но немножко и язык. Франция уже занята маленькой войной в Марокко и второй войной в Сирии; Япония пережила землетрясение, а Америка — далеко. Попытки английской буржуазии осуществить этот черный единый фронт пока потерпели крушение. Английская буржуазия хотела создать единый фронт против России. Прежде Англия

---

[1]) Из речи в Комиссии ИККИ 14/VIII—1925 г.

имела обыкновение, если она хотела изолировать какую-нибудь страну, начинать свою закулисную работу за 20 лет вперед. Интересно, что сейчас английская буржуазия хотела проделать ее почти в 20 дней; 20 лет мы охотно даем ей, — нам достаточно и десяти лет, потому что в это время организуется наш красный единый фронт. Английская дипломатия на этот раз вышла на улицу и не работала за кулисами. Английские банкиры открыто пишут, что они дадут германской буржуазии такие-то и такие-то займы, если немцы пойдут с ними против России. И вот, с одной стороны, мы наблюдаем попытку создания черного единого фронта, попытку пока сорвавшуюся, а с другой стороны, — революционный единый фронт. Третий конгресс в 1921 г. провозгласил единый фронт. Первый конгресс был, так сказать, маленьким собранием, которое лишь конституировалось, как Коминтерн. Он дал лишь библию коммунизма. Второй конгресс установил тактически-принципиальную линию в момент, когда шла борьба с Польшей и когда предвиделся другой темп развития. Третий конгресс был конгрессом послевоенным, давшим нам тактику, когда мы увидели, что мы находимся в меньшинстве. Маслов не понимает самого существенного в этой тактике. Лишь сейчас наблюдаются первые успехи тактики единого фронта. Лето 1925 года показало, что зародыши революционного единого фронта налицо. Англо-русское профсоюзное братание есть зародыш и надежда революционного единого фронта. Вчера мы получили от одного товарища письмо из Англии. Речь идет об известном „письме Зиновьева". Теперь комиссия Рабочей Партии единогласно установила, что это письмо подложное, а часть профсоюзов решила: во-первых, требовать, чтобы Макдональд и Рабочая Партия извинились перед русским правительством и лично передо мной, а во-вторых, что еще важнее, чтобы фракция Рабочей Партии оставила парламент и были назначены перевыборы. Разумеется, практически нельзя многого ждать от этих решений. Однако, они симптоматичны для развития всего английского рабочего движения. Интересна методология развития партии. Партия количественно растет не в той мере, как мы хотели бы, но влияние ее в профсоюзах растет в огромной степени, и это является результатом правильной тактики третьего конгресса.

Это тоже успехи на пути создания красного единого фронта в национальном и международном масштабе. Французские рабочие и крестьянские конференции, состоявшиеся на юге и об'единившие тысячи представителей от беспартийных, социал-демократических и коммунистических рабочих, являются симптомом того, что единый фронт, наконец, в 1925 году начинает осуществляться. Если в этот момент пытаются компрометировать тактику третьего мирового конгресса, то это означает, что хотят погубить Интернационал; об'ективно это означает под-

держку черного единого фронта против красного — не по злой воле, а по недостатку понимания. У нас нет никаких оснований для пессимизма.

Интересен характер взаимодействия между красным и черным единым фронтом. В момент, когда черный единый фронт усиливается, наш единый фронт тем самым механически укрепляется, так как рабочие ведь остаются рабочими, и они не хотят войны — даже социал-демократические рабочие. Наоборот, если наш красный единый фронт усиливается в международном масштабе, то это означает механическое ослабление линии английской буржуазии. Французская буржуазия говорит себе: конечно, в Китае дело плохо, но мы лучше подождем. Зачем нам соваться в чужую беду?

Товарищи, мы, таким образом, имеем все основания говорить, что, наконец, масса социал-демократических и беспартийных рабочих сдвинулась с места и пошла, хотя и медленно, но по нашему пути. Период от 1925 до 1930 года будет абсолютно решающим для судеб социалистической республики в России, а также для красного единого фронта, который выковывается уже сейчас не на бумаге, а фактически.

Мимоходом скажу еще следующее: изучая общее мировое положение, мы должны понять, что именно в эту эпоху будут возникать новые беспартийные организации; трудно сказать, какие, никто еще не знает этого, но они будут возникать как в национальных, так и в международных рамках. Вспомните: I Интернационал родился из маленькой делегации, приехавшей в Англию. Возьмите тот факт, который мы уже сейчас наблюдаем: рабочие делегации. К нам все в большем и большем числе будут приезжать социал-демократические рабочие. Еще неизвестно, какие формы примут эти организации, но что все эти движения и течения принесут с собой нечто новое, новые организационные формы — это совершенно ясно. Этого из пальца не высосешь, но нужно понимать, что что-то носится в воздухе.

Мы открыто признали в нашем письме, что было время когда социал-демократия прекрасно умела использовать голод в советской России и т. д. Теперь это уже изжито. Положение быстро меняется. Несколько лет тому назад мы спорили о том, нужно ли давать 10 или 20 миллионов рублей в год для промышленности, а теперь стоит вопрос о том, дать ли 600 или 800 миллионов, а быть может, и целый миллиард. Без сомнения, теперь дело пойдет быстро. Пролетариат это увидит. Простой социал-демократический рабочий, который является к нам из гинденбурговской Германии и видит Красную армию и наше производство, поймет это. Теперь надо быть кретином, чтобы рассуждать о том, явится ли Россия балластом для мировой революции. Обстоятельства резко изменились. В 1920 и 1921 годах, может быть, они и могли бы нас

побить. Но теперь этой возможности больше нет. За ближайшие пять лет она совершенно исчезнет, если мы не сделаем глупостей. Итак, движение в пользу Советской России и против готовящихся войн несколько лет тому назад существовало только на бумаге. Теперь оно стало конкретной действительностью. Мы должны суметь увязать с этим процессом наш лозунг: профсоюзное единство.

Итак, три вопроса являются осью нашей будущей работы. На основе этих вопросов — военной опасности, профсоюзного единства и строительства в СССР — социал-демократические и беспартийные рабочие придут к нам.

САМАЯ БОЛЬШАЯ ОПАСНОСТЬ — ОПАСНОСТЬ РАЗДРОБЛЕНИЯ

Теперь еще о положении партии в Германии. Товарищи, я думаю, что величайшая опасность, нам угрожающая, есть опасность раздробления. Товарищи должны попробовать конкретно представить себе это. Как обстоит дело в партии, сколько течений в ней наблюдается? Левые, срединная группа и правые, далее ультра-левые, следовательно — четыре течения. Наконец, внутри этих течений имеется целая серия подгруппировок.

Как мы должны теперь организоваться? Мы имеем две возможности. Могут сказать: „Правая опасность может внезапно разрастись, а поэтому затушуем всю историю с Шолемом. Ведь все мы левые". При такой установке партия погибла, тогда она раздробится и раскрошится на кусочки. Возможен при усилении правых и другой способ борьбы: каждый шаг вправо отражать железной рукой, не делая в то же время никаких уступок ультра-левым. Мы гарантируем вам, товарищи, что мы действительно поможем вам, что удары будут градом сыпаться на Брандлера и др., если бы они решили сделать такую попытку. Но необходимо в то же время ясно видеть собственные ошибки, новое мировое положение, предпосылки к осуществлению единого фронта. Так, на мой взгляд, мы должны встретить правую опасность. Мы должны серьезно действовать в том направлении, чтобы в партии осталось лишь одно направление. Вероятнее, что выявятся еще два уклона. Первый: Шолем, Розенберг, Кац. Он имеет некоторые корни в об'ективном положении вещей, и в течение некоторого времени он будет неискореним; это совершенно ясно. Во-вторых: правая опасность, и здесь мы подходим к вопросу о большевизации. Мы должны действовать так, чтобы быть коммунистическим и большевистским направлением, а два других течения должны, на худой конец, быть не направлениями, а лишь уклонами. Вот как следует действовать. Но может случиться иное; может случиться так, что направление ультра-левых и направление Маслова—Рут Фишер об'единятся, может быть, даже с правыми. В данный момент вы, пожалуй, пожмете плечами и скажете: нет, правые — это

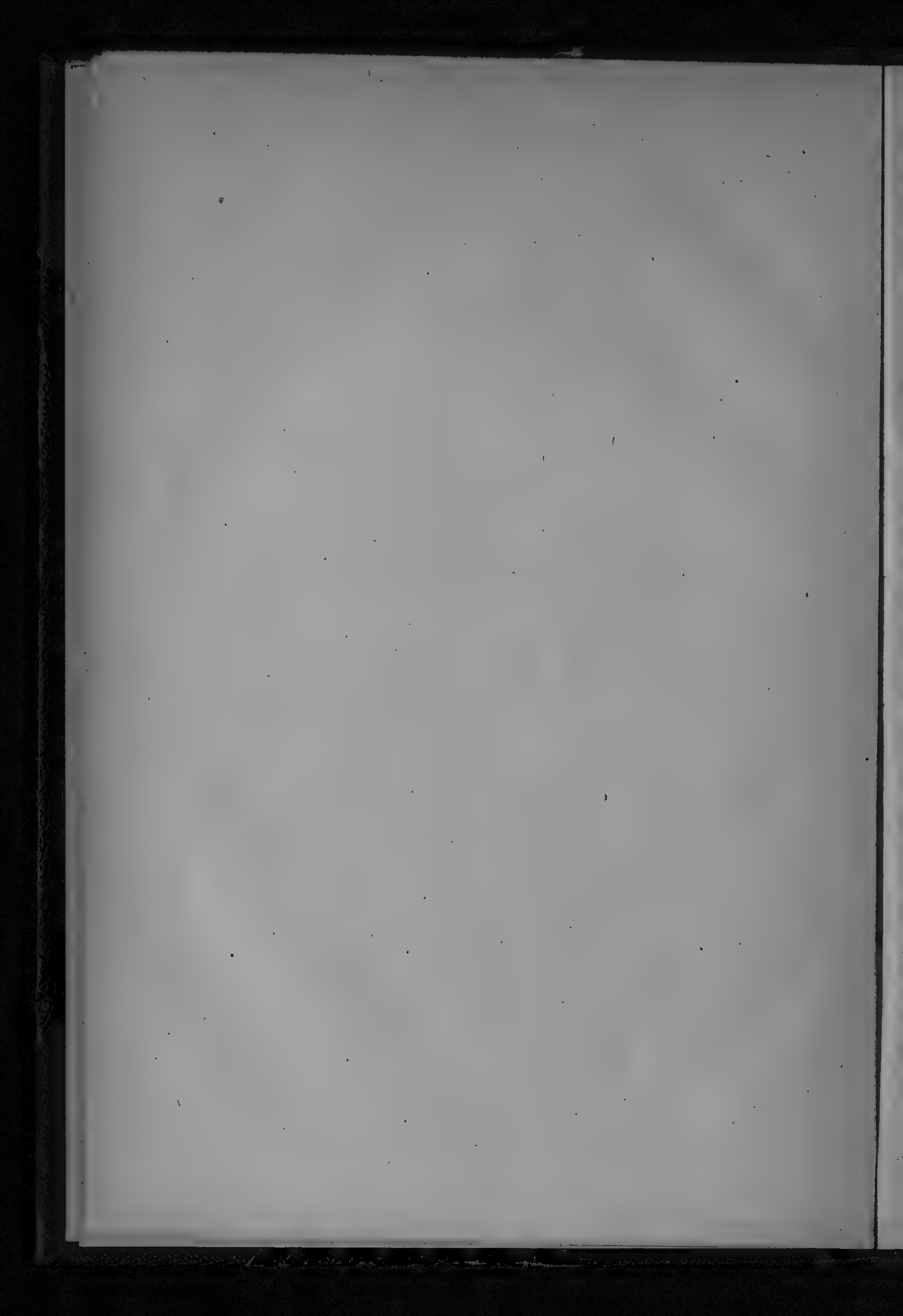
нам не подходит. Товарищи, политика есть особая профессия. Ленин имел обыкновение говорить, что она подобна не простой арифметике, а алгебре. Может случиться, что через четыре или шесть месяцев все эти группы об'единятся против этого коммунистического, большевистского ядра. Это до некоторой степени зависит от руководящих элементов. Я думаю, теперь дело пойдет так, что на нашей стороне будет большевистское, коммунистическое большинство, а против нас мы будем иметь только эти два уклона. В этом наша цель. Этого мы должны добиться. Для этого нужна честная организационная политика, а не только правильная политическая линия; но то и другое должно быть тесно связано.

В заключение скажу несколько слов о том, куда мы хотим вести партию — направо или налево. Поскольку мы знакомы с психологией всех оппозиционных элементов, как и вообще с обстановкой в германской партии, для нас несомненно, что их лозунгом будет: Москва, мол, хочет вести нас направо. А между тем так ясно, что мы должны итти влево, и о первой ориентации может говорить лишь кретин или шарлатан, который говорит все, что угодно, лишь бы добиться своего. Все мировое положение и положение русской партии и Советской России теперь таковы, что уже не трудно видеть, куда лежит путь. Всякий, даже неискушенный, рабочий видит теперь, что ультра-левые, по своей сущности, являются только замаскированными мелкими буржуа. Если эта идеология в Германии останется, то ясно, что суровая борьба будет абсолютно необходима.

Надо к этому подготовиться. Надо не закрывать глаз на это. Теперь будет довольно трудно для ответственных элементов левой занять такую позицию. Тот Центральный Комитет, который был за парламентскую игру, который вчера произносил пессимистические речи, если он начнет теперь травлю в том смысле, что Москва хочет итти направо, то это будет обозначать, что сам-то он хочет итти к Паулю Леви.

Я думаю, что для того и существует Интернационал, чтобы суметь учиться на прошлом, чтобы учесть уроки итальянской и шведской истории, опыта у нас более чем достаточно. Мы уже видели всевозможные оттенки со всеми многообразными национальными окрасками и традициями. Я верю, что партия в Германии — в основе своей — настолько здорова, что попытка играть против нее должна провалиться.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПИСЬМО ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА X С'ЕЗДУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ

I. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И „СТАБИЛИЗАЦИЯ"

Франкфуртский партейтаг собирался весною 1924 г. в момент, когда так называемая демократически-пацифистская эра была в самом расцвете. Ныне международная обстановка решительно изменилась. Демократически-пацифистская эра отцвела, не успевши расцвесть. Макдональд уступил место Болдуину и Чемберлену. Правительство Эррио сходит со сцены, повидимому, „в несколько приемов", постепенно уступая место откровенным империалистам. Робкие всходы „демократического пацифизма" на Балканах побиты морозом самой черной реакции. Господство англо-американского блока во всей мировой политике становится все более ясным. Под видом гарантийного договора готовятся новые войны. Германия собирается менять (и частично уже переменила) свою международную ориентацию, постепенно переходя на сторону Антанты. То тут, то там вспыхивают новые, пока еще частичные, конфликты, предвещающие новую империалистическую бойню.

Последняя сессия расширенного Исполкома Коминтерна констатировала начало частичной стабилизации в отдельных странах капиталистической Европы. Это относится прежде всего к Германии. Относительная стабилизация в Германии потому так бросается в глаза, что к концу 1923 г. именно Германия стояла ближе всего к революции.

В нашем письме к Франкфуртскому партейтагу мы писали:

„В настоящий момент трудно с полной определенностью сказать что-либо о сроках. Вполне возможно, и очень вероятно, что решающие битвы придут гораздо скорей, чем многие предполагают, что не пройдет и года, как мы будем стоять непосредственно перед решающими боями. Но не исключена и другая перспектива, что события будут развиваться несколько более медленно. В настоящий момент партия должна быть готова к обеим возможностям. А поскольку дело зависит от суб'ективного фактора, т.-е. от степени организованности пролетарского авангарда, партия, с своей стороны, должна построить свои ряды так, чтобы быть готовой к решительным боям в течение самого короткого срока".

Ныне, к середине 1925 г., мы должны открыто признать, что первая возможность не оправдалась, и что вся политическая линия партии должна строиться теперь, исходя из второй перспективы. В обстановке весны 1924 г. пролетарская партия и должна была считаться с возможностью более коротких сроков; ее обязанностью при той обстановке было – делать все возможное для победы именно этой первой линии развития. Так, к 1908 г. русские большевики уже ясно видели и признали открыто, что период между двумя революциями будет более затяжным. А между тем, до 1907 г. включительно большевики считались и с другой возможностью.

Нет никакого сомнения в том, что план Дауэса дал серьезную передышку германской буржуазии. Американские кредиты оживили германскую промышленность и консолидировали на время весь буржуазный строй Германии.

Однако, близятся уже сроки, когда народные массы Германии особенно больно почувствуют отрицательные стороны плана Дауэса. Тщетны надежды германских капиталистов, выигрывая время, восстановить старую мощь германского империализма. В конечном счете план Дауэса есть шейлоковский вексель, выданный германской буржуазии империалистам Антанты, и не сегодня, так завтра этот шейлоковский вексель будет пред'явлен к расплате. Германия переживает сейчас острый финансовый кризис, выявившийся в наиболее резкой форме в области кредита. Развал пресловутого концерна Стиннеса является фактом первостепенного значения, свидетельствующим о неустойчивости стабилизации. На наших глазах падает и рассыпается выросший в лихорадочной обстановке войны и последовавшего за ней спекуляционного периода концерн, расценивавшийся до сих пор как хребет всего народного хозяйства Германии.

Бесконечная парламентская качель, с постоянными кризисами кабинетов, с выборами и перевыборами и хроническим отсутствием устойчивого парламентского большинства, — все это свидетельствует о трудности положения для господствующих классов Германии. Существование таких массовых организаций, как „союз красных фронтовиков“, с одной стороны, боевые союзы фашистов — с другой, союз имперского знамени — с третьей, свидетельствуют о том, что под спудом „мирной“ парламентской жизни зреют силы, готовящиеся к открытому столкновению. При всей медленности германского развития, при всем сравнительном затишьи в Германии не проходит недели, чтобы не было вооруженных столкновений между рабочими и их классовыми врагами.

Германская пролетарская революция идет, и она придет, она неизбежна. Вне победоносной пролетарской революции для Германии нет выхода из нынешнего тупика.

События, происшедшие в течение всего нескольких недель, протекших со времени расширенного Исполкома Коминтерна, свидетельствуют о том, что нынешняя „стабилизация“ весьма и весьма относительна. Затяжная война в Марокко, развитие и небывалый размах национально-освободительной революции в Китае, события в Болгарии, рост безработицы в Англии, элементы нарастающего финансового кризиса во Франции, выборы Гинденбурга, нота о разоружении, надвигающийся финансовый кризис в Германии, — все это свидетельствует об обострении внутренних противоречий капиталистического мира, все это говорит о том, что медленно, но неуклонно, но неизбежно капиталистический мир идет навстречу революционной развязке. Линия, намеченная расширенным Исполкомом Коминтерна, оправдывается вполне.

И в то же время Союз ССР упрочивает свое хозяйство с каждым днем. Российская коммунистическая партия наметила линию еще большего сближения рабочего класса с крестьянством в СССР — сближения, которое особенно необходимо в полосу замедленного темпа мировой революции. Попытки „окружения“ первого рабочего государства продолжаются. Английские империалисты изо всех сил работают над созданием единого фронта против СССР. Не без успеха идет обработка правящей верхушки Германии в этом же направлении.

В то же время в международном пролетариате пробуждается чувство революционной тревоги за будущее. Соглашение между английскими профсоюзами и профсоюзами СССР имеет историческое значение, кроме всего прочего, потому, что оно продиктовано, в первую очередь, заботами рабочего класса двух величайших стран о предотвращении новых империалистических войн. Кампания за единство мирового профдвижения имеет великое будущее. Сюда надо отдать максимум сил. Появляются признаки образования „левого крыла“ социал-демократии в ряде стран, что является симптомом нарастания революционной тревоги в рабочих массах. Через все препятствия международный пролетариат проложит себе дорогу к мировой революции. „Восстанавливающийся“ капитализм уже начинает наглядно показывать трудящимся всего мира, что новые войны неизбежны. Симптоматическое значение марокканской войны до сих пор недооценено рабочим классом. Значение этой чисто-колониальной, чисто-грабительской, чисто-империалистической войны громадно. С другой стороны, величайшее симптоматическое значение имеют китайские события. Эпоха войн и революций продолжается. В мировом масштабе положение революционизируется с громадной быстротой.

X с'езд КПГ не должен скрывать от себя факта временной стабилизации капитализма в Германии, и в то же время он дол-

жен остаться целиком на почве подготовки второй революции в Германии — революции, которая должна стать и станет победоносной пролетарской революцией.

II. БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ И ВОПРОС О ПРОФСОЮЗАХ

С удовлетворением Исполком Коминтерна отмечает, что германская компартия проделала за 15 месяцев, отделяющих ее от Франкфутского партейтага, большую работу над самой собой. Партия преодолела партикуляристские тенденции своих отдельных организаций, создав твердое руководство Она с большим успехом разоблачила и преодолела правые уклоны внутри себя. Она решительно в то же время выступила против ультра-левых уклонов, угрожающих массовому характеру партии (шумахерство и последняя оппозиция Розенберга, Шолема и Каца). Партия консолидирована; партия энергично работает над большевизацией своих рядов; партия хочет быть большевистской и несомненно становится ею. X с'езд безусловно примет ряд мер для того, чтобы тезисы расширенного Исполкома Коминтерна о большевизации не на словах, а на деле были применены в Германии.

Но есть одна область, в которой германская компартия страшно отстала. Это — область работы в профсоюзах. Здесь Ахиллесова пята германской компартии. Здесь то „звено", за которое должна теперь ухватиться германская компартия, чтобы „вытащить всю цепь" (Ленин) подлинной большевизации партии.

К периоду Франкфуртского партейтага Исполкому Коминтерна пришлось обратиться к германской компартии с особым вторым письмом по вопросу о профсоюзах. Тогда в германской компартии почти безраздельно господствовали взгляды (почему-то считавшиеся „левыми" взглядами) о необходимости для коммунистов уйти из реакционных с.-д. профсоюзов. Если бы нужны были еще какие-либо исторические иллюстрации того, как так называемые ультра-левые взгляды на деле приносят пользу только реформистам, то это лучше всего доказано спорами вокруг проблемы о профсоюзах в германской компартии. Кому же теперь не ясно, что ультра-„левая" политика, сводившаяся к уходу из профсоюзов, на деле принесла пользу только социал-демократии?

Ныне на X с'езде КПГ не будет уже „принципиальных споров" по вопросу о том, должны ли большевики участвовать в реакционных профсоюзах. Ультра-„левые", „теоретические" благоглупости, прикрывавшиеся мнимо-принципиальной непримиримостью, изжиты.

Но мы должны прямо сказать: несмотря на все усилия ЦК, изжиты пока еще только в теории, но не на практике среди партийной массы. Нынешняя слабость позиции германской ком-

партии в профсоюзах — лучшее тому доказательство. Партия „теоретически“ признает необходимость работы в профсоюзах, а на деле эта работа едва двигается с места. Если употребить цифровые примеры, можно сказать, что германская компартия в настоящее время уделяет, примерно, 10 процентов своего времени работе в профсоюзах, между тем как этой работе необходимо уделять, по крайней мере, 75 процентов партийного внимания

Для того, чтобы на на словах, а на деле большевизировать германскую компартию (т.-е. для того, чтобы создать в Германии большевистскую партию, умеющую и в годы затишья, в период между двумя революциями, сохранить и характер массовой партии и характер до конца революционной пролетарской партии), для этого необходимо прежде всего практически разрешить проблему работы в профсоюзах.

Не декларации, не резолюции, не „принципиальные“ заявления, а практические меры по оживлению работы партии в профсоюзах и меры по проверке исполнения намеченных мер. Начиная с любой первичной ячейки партии и кончая Центральным Комитетом партии, сюда, — т.-е. к работе в фабзавкомах и в профсоюзах, — должно быть направлено все внимание.

Это должно выразиться и в подборе состава нового Центрального Комитета. Из выдвигающихся массовых работников крупнейших профсоюзов необходимо взять в новый Центральный Комитет партии хотя бы одного товарища. Такое же обновление необходимо провести в областных и местных организациях. Успех работы любой нашей партийной организации на местах должен измеряться прежде всего успехами ее работы в профсоюзах. Масштабом подлинной большевизации должен быть масштаб завоевания влияния нашей партии в профсоюзах. Вне этого разговоры о большевизации являются совершенно пустыми, совершенно не серьезными разговорами. Это надо понять раз и навсегда.

Германские профсоюзы вновь оживают и становятся все более многочисленными. Они начинают играть все более крупную роль. Вожди германских профсоюзов должны были приостановить всю кампанию исключения коммунистов из профсоюзов. Массы возвращаются в профсоюзы. Впереди них должны быть коммунисты. И коммунисты должны понять, что завоевать влияние для своей партии в германских профсоюзах в современной обстановке нельзя только левыми речами, что нужны годы и годы повседневной будничной работы внутри профсоюзов, что нужно суметь показать себя в повседневной работе самыми стойкими, самыми дальновидными, самыми знающими, самыми преданными работниками профсоюзов.

Теперь уже совершенно ясно, что, если бы германская компартия полтора года тому назад вняла голосам тех, кто

предлагал уйти из профсоюзов поголовно и создать свои параллельные профсоюзы, германская компартия в настоящий момент уже перестала бы существовать, как массовая партия. На этой ошибке, чуть-чуть не погубившей было партию, необходимо, наконец, научиться.

Вожди германских профсоюзов являются в настоящий момент оплотом не только германской, но и мировой буржуазной реакции. Вожди германских профсоюзов являются в данную полосу главным препятствием на пути к международному об'единению профсоюзов. И, несмотря на все это, а верней, именно в виду всего этого, наша партия в Германии должна в десять, в сто раз больше внимания и сил уделять вопросу о профсоюзах. Упорство реакционных вождей против международного об'единения будет сломлено неизбежно. Левое крыло в германском профдвижении создастся в сравнительно недалеком будущем. Победив упорство реакционных вождей германских профсоюзов, мы больше всего сделаем для того, чтобы проложить дорогу мировой революции.

III. О ПРИЧИНАХ ЖИВУЧЕСТИ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Этих причин можно насчитать, по крайней мере, восемь.

1) Наиболее общая причина живучести социал-демократии та же, что причина живучести капитализма вообще. Социал-демократия в большинстве стран настолько вросла в буржуазный строй, что она стоит и падает лишь вместе с ним. Временная „стабилизация" капитализма ведет к временной „стабилизации" социал-домократии. Когда мы сравниваем наши силы с силами социал-демократии, приходится иметь в виду, что за социал-демократией стоит некоторая — очень значительная — часть сил, которая дается ей буржуазией. И, наоборот, когда мы сравниваем свои силы с силами буржуазии, мы постоянно должны иметь в виду, что за буржуазией почти целиком стоит современная социал-демократия.

2) Усталость рабочих масс от империалистской войны облегчила возможность распространения среди них новых „мирных" реформистских иллюзий. Массы настолько были измучены войной, что за простой кусок хлеба они долго склонны были (склонны еще и сейчас) терпеть неслыханное политическое и экономическое иго.

3) Произошла серьезная передвижка в самом социальном составе с.-д. партий после войны: роль рабочей аристократии и рабочей бюрократии в германской с.-д. ныне хотя и другая, чем до войны, но очень большая. В одной Пруссии около правительственного аппарата, около муниципалитетов и т. п. (не говоря уже о профсоюзах) кормятся, вероятно, десятки тысяч

социал-демократических „середняков“, составляющих целый слой, весьма влиятельный в с.-д. партии и на деле целиком преданных аппарату буржуазного государства. Влияние мелкобуржуазных элементов и „попутчиков“ из лагеря буржуазии в социал-демократии еще возросло по сравнению с довоенным временем.

4) Германская социал-демократия имеет могучий партийно-бюрократический аппарат, оказывающий, несмотря ни на что, еще и сейчас громадное влияние на судьбы рабочего движения.

5) Германская социал-демократия прежде всего опиралась и опирается на свои реформистские профсоюзы, которые являются самым могучим аппаратом контр-революционного влияния социал-демократии на массы.

6) Значительные круги германских рабочих считают, что если коммунистическая партия хороша для периода прямых революционных битв, то на время затишья, когда происходит борьба за улучшение повседневного быта, условий труда и т. п., больше пользы принесет германская с.-д. В этом виноваты, с одной стороны, иллюзии, порожденные „дауэсизацией“ Германии (международный фактор), с другой стороны — наши собственные ультра-левые ошибки.

7) Трудности русской революции, начиная приблизительно с 1921 по 1923 г. (в особенности голод и т. п.), были использованы вождями социал-демократии для того, чтобы отпугнуть усталые и изголодавшиеся массы от борьбы за диктатуру, от гражданской войны и т. д. Теперь в этом отношении дело начинает меняться к лучшему. Движение в пользу посылки делегаций германских рабочих в Союз ССР, несомненно, изменит положение в пользу коммунистов.

8) Поражение германской революции, цепь ошибок оппортунистско-правых вождей КПГ, давших возможность укрепиться социал-демократии, наконец, наши „левые“ ошибки в Германии — в особенности ошибки в вопросе о профсоюзах — увеличили жизнеспособность германской социал-демократии.

Мы были совершенно правы, когда характеризовали социал-демократию вообще и германскую социал-демократию в частности, как третью партию буржуазии, как крыло современного фашизма и т. д. Эти оценки были и остаются правильными. Но они не только не освобождают нас от необходимости изучать причины живучести социал-демократии, но, наоборот, возлагают на нас тем большую обязанность понять: почему же эта третья партия буржуазии, почему же это крыло фашизма может еще вести за собой столь обширные пролетарские массы?

В такой стране, как Германия, вопрос ликвидации влияния контр-революционной социал-демократии в пролетарских массах есть основной вопрос пролетарской революции. Наша партия должна научиться преодолевать это контр-революционное влияние социал-демократических вождей в рабочих массах. Каждый

член нашей партии должен понять, что дело теперь не только в том, чтобы „ругать“ социал-демократию, сколько в том, чтобы понять причины ее живучести — понять и преодолеть их. Кроме причин, действующих в общегосударственном масштабе, каждая местная организация должна научиться понимать и локальные условия, иногда играющие в этом отношении значительную роль. Мы должны во что бы то ни стало преодолеть в рабочей массе тот предрассудок, будто компартия является партией, пригодной только на время революционного под'ема, непосредственных революционных битв. Центральная задача в том и заключается, чтобы доказать рабочим массам Германии, что компартия является подлинной и, в сущности говоря, единственной пролетарской партией, способной отстаивать и будничные интересы рабочего класса, изучая их на каждом шагу, во всех мелочах, во всех деталях.

Не будем скрывать от себя, товарищи, что громадным недостатком в работе КПГ до сих пор была известная абстрактность ее агитации, неумение связать частичные, повседневные, экономические и политические требования с общими задачами. Без преодоления этого органического недостатка, связанного с „болезнью левизны“, нельзя и мечтать победить германскую социал-демократию.

Рабочие, идущие за контр-революционными вождями, для нас должны являться не только об'ектами агитации. Рабочая масса очень чутка и моментально чувствует, когда мы подходим к ней только как к об'екту агитации. Рабочие, идущие еще за социал-демократами, наши братья по классу. Нисколько не подделываясь под их ошибки и предрассудки, никоим образом не делая уступок „хвостизму“, не опускаясь до обывательски-настроенного беспартийного или с.-д. рабочего, а стараясь подымать их до себя, мы в то же время должны суметь показать этим рабочим, что на их ошибки мы смотрим не как на их вину, а как на их беду. Так и только так должны мы подходить к рабочим социал-демократам.

IV. О „НОВОЙ“ ТАКТИКЕ

„Новая“ тактика, формулированная Исполкомом Коминтерна и Центральным Комитетом КПГ в связи с недавними выборами германского президента, в сущности говоря, является новой только для тех, кто стоял на ультра-„левой“ точке зрения и для которых подлинные большевистские взгляды все время являлись книгой за семью печатями.

Выборы Гинденбурга показали с полной очевидностью, что монархическая опасность в Германии есть факт. Если в германской компартии находились такие „вожди“, которые еще за несколько дней до выборов Гинденбурга смеялись по

поводу указаний на монархическую опасность, то теперь уже всем ясно, что события посмеялись над этими „вождями". Позиция нынешней ультра-„левой" группы германской компартии (Шолем, Кац, Розенберг, Корш) на деле в последнем счете сводится к полнейшей их неспособности применять подвижную большевистскую тактику к конкретным условиям Германии, сводится к их фактической индиферентности в вопросе о разнице между монархией и буржуазной республикой. Нечего и говорить о том, что эти взгляды ничего общего с большевизмом не имеют. Это — карикатура на большевизм, это — карикатура на марксизм.

Именно наша партия должна встать во главе борьбы с монархической опасностью, именно наша партия должна формулировать, т.-е. перевести на язык пролетарской тактики, те мало-оформленные настроения, которые пробуждены в рабочем классе Германии избранием Гинденбурга.

Тревога, вызванная в широких кругах германских рабочих выборами Гинденбурга непосредственно после этих выборов, теперь улеглась. Но это не значит, что этот вопрос сошел со сцены. Раньше или позже, а вернее раньше, чем позже, вопрос станет с новой остротой. Задача пролетарской партии заключается не в том, чтобы бить в набат по поводу той или другой опасности только тогда, когда эту опасность видят и сами массы. Партия должна суметь указывать путь рабочей массе и тогда, когда сама эта масса усыплена иллюзиями, когда она „привыкла" к тому или другому явлению и т. д. После избрания Гинденбурга, за которого голосовали почти 50 проц. избирателей, вопрос о монархической опасности не может сойти с порядка дня германской политики — тем более, что победа Гинденбурга означает не только рост реакции внутри страны, но и рост опасности новой войны.

X с'езд КПГ должен открыто признать, что партия совершила ошибку, не проведя в жизнь совета, который дал ей Исполком Коминтерна после первых президентских выборов, до избрания Гинденбурга, совета — обратиться с предложением к германской социал-демократии относительно готовности коммунистов снять свою кандидатуру в пользу с.-д. кандидатов на известных условиях. Такие ошибки, такие опоздания в политике непростительны и всегда дорого стоят партии революционного пролетариата.

Ультра-„левая" в Германии (а также кое-где и в других странах) возражает против „новой" тактики так, как будто эта тактика была бы равносильна тактике коалиции с социал-демократией или, скажем, тактике „левого блока" в современной Франции.

Есть „левый блок" и левый блок. Большевистская партия под руководством тов. Ленина также проводила в годы контр-

революции тактику левого блока. Большевистский левый блок означал руководство пролетариата над известной частью мелкой буржуазии (в особенности крестьянства: трудовики, эсеры) против царизма и контр-революционной буржуазии, а также соглашателей-меньшевиков. Большевистская тактика левого блока была тактикой гегемонии пролетариата в революции, тактикой присоединения к себе промежуточных элементов, которые в тот или другой момент могли поколебаться в сторону рабочего класса. Большевистская тактика левого блока ничего общего не имела с беспринципными парламентскими комбинациями, с дележкой мест, портфелей, с парламентским кретинизмом. Большевистская тактика левого блока переносила центр тяжести на внепарламентскую работу просвещения и организации масс.

Политика же „левого блока“, как ее проводят, например, теперь французские социалисты-меньшевики или германские социал-демократы в „народном блоке“, на деле является присоединением части рабочих к буржуазии. Эта „тактика“ скидывает со счетов пролетариат, как самостоятельную классовую силу. Эта тактика облегчает гегемонию буржуазии над пролетариатом. Эта тактика загоняет в лагерь буржуазной контр-революции не только колеблющиеся элементы мелкой буржуазии, но и ту часть рабочих, которые следуют еще за меньшевиками. Наша тактика по отношению к этому „народному блоку“ может заключаться лишь в отрыве слоев трудящихся от него и вовлечении их в ряды борющейся за коммунизм армии труда.

Можно ли „маневрировать“ с буржуазными партиями? Так ставит вопрос теперь ультра-„левая“ в Германии. „Маневрировать“ с социал демократией — это, видите ли, можно. „Маневрировать“ с открыто буржуазными партиями, по их мнению, нельзя. Сама постановка вопроса доказывает, что ультра-„левая“ не понимает разницы между тактикой революционного левого блока, как ее проводили в свое время большевики (ни на минуту не перестававшие вести самостоятельную классовую политику пролетариата), и буржуазной тактикой левого блока, как ее проводят французские и германские социал-демократы. Большевики вели за собой колеблющиеся элементы мелкой буржуазии. Меньшевики в лучшем случае колеблются сами между пролетарской и мелкобуржуазной позицией.

В резолюции Исполнительного Комитета Коминтерна, опубликованной в начале июня 1925 г., мы остановились подробно на вопросе о нашей парламентской тактике при создавшейся обстановке. Эта резолюция остается в силе. К ней в настоящий момент необходимо прибавить только следующее.

„Борясь с ультра-„левыми“ тенденциями, партия не должна сосредоточивать всего своего внимания лишь на вопросах политического порядка, связанных с монархической опасностью. Не следует ни на минуту упускать из виду, что широкие массы трудящихся живут в настоящее время повседневными экономическими злобами дня. Вопросы налоговой политики, вопросы заработной платы и рабочего дня, жилищный вопрос, вопрос о дороговизне жизни, безработица, вопрос о пошлинах, вопросы о торговых договорах и т. д. и т. д., — словом, те вопросы, от которых непосредственно зависит улучшение экономического существования рабочих масс в данную минуту, ни в коем случае не должны быть вытеснены из поля нашего внимания вопросами правительственных, парламентских кризисов и т. п. Расширить свое влияние на массы, стать признанным руководителем всего рабочего класса КПГ сможет лишь в том случае, если она сумеет параллельно вести и политическую и экономическую работу, если она сумеет неразрывно связать вопросы повседневной жизни рабочих масс с вопросами о формах государственного строя, монархической опасности и т. д.

Что коммунистическая партия, желающая быть большевистской партией, должна быть маневроспособной партией, это — азбука большевизма. Что представители пролетарской партии в буржуазных парламентах не должны быть связаны ничем другим, кроме как партийной дисциплиной и преданностью пролетарской революции, это также азбука. Что при таком парламентском соотношении сил, когда исход голосования иногда зависит от нашей группы, мы не отказываемся от „компромиссов“ и должны использовать такое положение вещей в интересах обострения конфликтов в буржуазном лагере и в интересах упрочения наших позиций, — это тоже бесспорно для большевика. Что наша партия поэтому поступила правильно, когда непосредственно вслед за избранием Гинденбурга обратилась с открытым письмом, предусматривающим концентрацию всех сил для борьбы с монархической опасностью в прусском и общегерманском масштабе, это также бесспорно (см. обращение фракции ландтага и предложение ЦК КПГ о борьбе с монархической опасностью, сделанное в рейхстаге).

„Новая“ тактика, прежде всего, должна быть новой формой нашей агитации в рабочих массах, новым подходом к социал-демократическому рабочему середняку и беспартийному. Все наши писания, все наши выступления, — словом, вся работа нашей партии в массах должна быть построена теперь так, чтобы каждый рабочий социал-демократ почувствовал разницу, чтобы он видел, что компартия учла угрожающую монархическую опасность, что компартия серьезно намерена сотруд-

ничать с рабочими социал-демократами, что она терпеливо относится к тем его взглядам, которые отличают его от рабочего-коммуниста, и т. д. Вопрос о наших выступлениях в парламенте целиком подчиняется этой задаче. Главное заключается в том, чтобы при создавшейся обстановке найти новые пути к душе социал-демократических рабочих и беспартийных рабочих.

Дело, повторяем, идет не столько о новой тактике, сколько о новом тоне агитации, о новых способах подхода нашей партии к рабочим с.-д. и беспартийным. Четыре кардинальных факта должны определить этот наш новый подход к с.-д. и беспартийным рабочим.

1. Доказано фактами, что непосредственно революционной ситуации в Германии нет, что нам предстоит еще долгая подготовительная эпоха.

2. Доказано фактами, что в Германии серьезная монархическая опасность налицо. Это создает реальную возможность того, что часть с.-д. рабочих при правильной нашей тактике кусок пути сделает вместе с нами, бок-о-бок с нами.

3. Доказано фактами, что, несмотря на все предательства с.-д. вождей, несмотря на барматовщину и т. п., большинство германских рабочих все еще идет за с.-д. партией, вотирует за нее на выборах и т. д.

4. Доказано фактами, что наша партия (КПГ), под влиянием ряда обстоятельств, делала серьезные ошибки, в особенности в вопросе о профсоюзах. А вопрос о профсоюзах есть вопрос узловой, есть центральный вопрос взаимоотношений партии с беспартийными рабочими и с рабочими с.-д. Ошибка в этом вопросе неизбежно приводила к неправильной постановке всей агитации среди масс.

Вот эти четыре обстоятельства и нужно более всего иметь в виду теперь, когда мы говорим о „новой“ тактике, о новом способе подхода к массам. Вопрос о наших парламентских выступлениях должен быть целиком подчинен тому, что сказано только что выше. Каждое наше голосование и каждое выступление в парламенте должно помочь нам поставить по-новому работу в рабочих массах. С этой точки зрения, прежде всего, должны мы рассматривать наши парламентские выступления. Центр тяжести „новой“ тактики ни в коем случае не лежит в плоскости парламентских выступлений. Пусть неисправимые ультра-„левые“ горе-политики продолжают пугать нас высосанными из пальца опасностями, якобы связанными с новой тактикой. Реально существующие опасности мы видим. Каждая тактика имеет свои опасности, мы это знаем и, как пролетарский авангард, принимаем соответствующие меры, чтобы гарантировать себя от ошибок.

V. ВНУТРИПАРТИЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Германская коммунистическая партия провела в общем победоносную борьбу против правого уклона в партии. Это не значит, что брандлеризм разбит уже окончательно. В современной обстановке заложена опасность брандлеризма. Подспудно эта опасность существует и теперь в германском коммунистическом движении.

Что такое брандлеризм? Это — остаток традиционной социал-демократической идеологии в лагере коммунизма. Вместо того, чтобы нести идеи последовательного коммунизма в лагерь с.-д. рабочих, брандлеризм на деле несет традиционные идеи социал-демократизма в ряды коммунистических рабочих. Это в той или иной мере приходится сказать относительно всей правой в Коммунистическом Интернационале. Вся она несет с.-д. идеи в коммунистическую среду.

Германская компартия поборола правый уклон. Но нечего скрывать от себя: организм германской компартии сильно потрепала и другая болезнь — ультра-левый уклон. Германская компартия одно время переживала ультра-левую лихорадку. Окончательно избавить ее от этой лихорадки, окончательно оздоровить германскую компартию должен X с'езд. Партия должна беречь, как зеницу ока, лучшие революционные традиции спартакизма, критикуя в то же время ошибки покойной Розы Люксембург.

В нашем письме к франкфуртскому партейтагу мы говорили совершенно откровенно о тех чудовищных извращениях коммунизма, которые допускали уже тогда тт. Розенберг, Шолем и др. К сожалению, наши опасения в этом отношении оправдались более чем достаточно. Пренебрежение к теории еще не проходило даром для пролетарской партии. А, между тем, одно время КПГ отдала почти всю свою печать в руки людей, ничего общего с большевизмом не имеющих (Корш, Рольф и т. п.). Партия может и должна использовать всех своих членов, но ни в коем случае не на таких местах, где такого рода люди пытались бы учить партию, а на таких местах, где они сами могли бы чему-нибудь серьезно поучиться.

В том новом Центральном Комитете, который вы изберете, должно быть гораздо большее количество передовиков-рабочих, связанных с массами, чем это было до сих пор. Основное ядро вашего Центрального Комитета нашло правильную линию, заслуженно завоевало себе доверие партии и несомненно завоюет его и впредь. Коминтерн всецело поддерживает это ядро и будет работать рука об руку с ним. Чем больше новых сил, связанных с рабочей массой, с профсоюзной работой, с'езду удастся привлечь в новый Центральный Комитет, тем лучше пойдет работа в дальнейшем.

Необходимо ясно видеть, что к средине 1925 года внутри германской компартии создалось совершенно другое деление, чем это было, скажем, перед франкфуртским партейтагом. Новый Центральный Комитет, который вы избираете, не только не должен бояться привлечь к работе лучших товарищей из прежних групп, не примыкавших к левым, а, наоборот, должен сделать это. Партия только извлечет пользу, если она привлечет лучших работников прежних групп, готовых не на словах, а на деле проводить решения X с'езда, быть дисциплинированными солдатами большевистской партии. При выработке лозунгов необходимо раз и навсегда отказаться от старых фракционных реминисценций. Нельзя, например, отвергать „переложение всех тяжестей налогов на плечи богатых" только потому, что этот лозунг когда-то истолковывался правыми элементами, как единственная всеспасающая программа.

Необходимо допустить в партии большую свободу внутрипартийной дискуссии, чем это было до сих пор. Необходимо тщательно пересмотреть все дела исключенных товарищей, в особенности исключенных товарищей-рабочих, для того, чтобы открыть двери назад в партию тем из них, которые заслуживают этого. В пределах общепартийных решений оттенки мысли, разумеется, вполне допустимы. Без надлежащих дискуссий внутри партии невозможны подлинное большевистское воспитание и закалка, которые так необходимы нашей германской компартии.

С удовлетворением Исполком Коминтерна отмечает, что X с'езд компартии поставил особым пунктом порядка дня организационные вопросы. Период, в который мы живем, требует, прежде всего, всесторонней, глубокой, всюду проникающей организационной работы партии. Агитационная и просветительная работа партии лишь тогда получает весь свой вес и все свое значение, когда результаты ее закреплены организационно. Именно в настоящий период особенно большое значение в германской компартии должен играть партийный организатор. Слово принадлежит организаторам. И на местах, и в центре организационной работы непочатый край. Мы уверены, что X с'езд уделит должное внимание организационным вопросам.

„Борьба за партию" была главным лозунгом большевиков в период между двумя революциями. Эта борьба за партию была в то же время борьбой за революцию. Борьба за Коминтерн — таков должен быть лозунг наших дней на перевале между двумя революциями. Борьба за Коминтерн есть в то же время борьба за победоносную мировую пролетарскую революцию. Эта борьба требует величайших жертв. Поток невиданных еще до сих пор репрессий, обрушившихся за самое последнее время на коммунистов Болгарии, Эстонии, Румынии, Греции, Египта, Польши, Франции и, не в последнем счете, Германии;

показывает, в какой тяжелой обстановке приходится работать ныне нашим партиям. Тем больше чести тем нашим отрядам, которые под шрапнельным огнем неприятеля остаются верными знамени Коминтерна до конца. Мы не сомневаемся в том, что X с'езд германской компартии сделает все возможное, чтобы поднять еще на большую высоту борьбу за Коминтерн, борьбу за победу мировой пролетарской революции.

Председатель ИККИ *Г. ЗИНОВЬЕВ.*

ПИСЬМО ИККИ

ВСЕМ ЧЛЕНАМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ ОТ ИСПОЛКОМА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Дорогие товарищи!

Уже во время последнего заседания расширенного Исполкома (март — апрель 1925 г.) и вскоре после него мы совместно с делегацией КПГ подробно обсуждали вопросы, в которых, по нашему мнению, нашли свое выражение наиболее крупные недочеты партийной работы. Наиболее важным для германской партии вопросом являлся тогда и является теперь вопрос об усилении вербовочной силы нашей партии, проблема завоевания масс и в особенности масс социал-демократических рабочих. С этой точки зрения мы определяли нашу общеполитическую линию, с этой точки зрения мы рассматривали и другие вопросы. Сюда, между прочим, относятся следующие задачи: работа в профсоюзах — методы убеждения социал-демократических рабочих (вопросы пропаганды, „перемены тона" и т. д.); „нормализация" партийной жизни (внутрипартийная демократия, использование прежней оппозиции, свобода дискуссий, выборность должностных лиц партии, привлечение новых руководящих сил и т. д.), что для нас является предпосылкой правильных взаимоотношений с стоящими вне партии массами; ликвидация скрытой борьбы против Коминтерна (ликвидация практики так называемых самостоятельных эмиссаров в других партиях, честное проведение действительно большевистской линии).

Накануне с'езда партии представители Исполкома еще раз совещались с делегацией германской партии, правда, не вполне официально (таково было желание германской делегации).

На этих совещаниях обсуждались три основных комплекса вопросов.

Во-первых: Исполком указал на то, что у руководящей группы Рут Фишер — Маслов наблюдаются некоторые правые уклоны (слишком парламентская установка и т. д.).

Во-вторых: было постановлено добиться действительного поворота в профсоюзном вопросе, и с этой целью демонстративно избрать на с'езде партии сильный работоспособный профсоюзный отдел (или дать соответствующее поручение новому ЦК).

В-третьих: представители Исполкома настаивали на том, чтобы в Центральный Комитет были выбраны новые руководящие рабочие силы, в особенности товарищи, знакомые с профсоюзной работой, и между ними несколько товарищей из оппозиции. Не для того, чтобы тащить партию „вправо", как это сознательно неверно утверждают, а для того, чтобы создать доступ к колеблющимся членам партии.

Относительно состава Центрального Комитета партии Исполком трижды nachträglich получал запросы и трижды подтверждал свои указания.

На самом с'езде партии эти решения большей частью не были проведены. Группа товарища Рут Фишер не только саботировала эти решения, но и создала такое отношение к делегации Исполкома, что последняя вынуждена была сделать соответствующее заявление. В конце с'езда группе Шолема—Розенберга было молчаливо сделано предложение образовать союз против Исполкома, что было беспринципно, так как политически с'езд проводился в духе борьбы против ультралевых. Параллельно с этим был вызван конфликт с делегацией Интернационала Молодежи, и международная конференция молодежи, в которой приняли участие представители 13 стран, официально осудила это и направила соответствующую апелляцию в Исполком.

Таким образом, был создан тяжелый кризис. Первая делегация, явившаяся к нам с директивой добиться дезавуирования делегации Исполкома, после горячей дискуссии вынуждена была признать, что Исполком прав. Вся делегация внесла заявление, что она считает критику со стороны Исполкома правильной, что выступление делегации Исполкома она также находит правильным и что она поддерживает линию делегации КИМ и международной конференции молодежи.

В то же время,—по желанию германской делегации,—было постановлено пригласить делегацию с более широким составом. Тов. Рут Фишер всеми средствами старалась оттянуть ее прибытие.

Вторая делегация разделилась на две группы. Тов. Рут Фишер сначала боролась против критики Исполкома, но после длительной дискуссии в комиссии ИККИ, в которой участвовали представители всех главных партий, она тоже сделала заявление, в котором признала правильность критики ИККИ.

Таково в кратких чертах положение дел. Но мы хотим внести некоторые раз'яснения, дабы выяснить германским товарищам точку зрения Коминтерна.

I. ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Мировую политическую ситуацию можно характеризовать как весьма критическую. Несмотря на относительную стабилизацию в Средней Европе, важнейшие противоречия современного капитализма стоят под знаком величайшего напряжения. Бурный рост Советского Союза и нисходящая волна в Англии, успехи международного единого красного фронта (англо-русский профсоюзный блок и борьба за единство; германская и другие рабочие делегации в Советскую Россию; рабоче-крестьянские конгрессы во Франции; революционизирование английского рабочего движения вообще и т. д.), затем неслыханное обострение освободительной борьбы колоний и полуколоний (Марокко, Сирия и, в особенности, Китай); с другой стороны, концентрация империалистических сил против Советского Союза (военно-дипломатическое „кольцо" вокруг Москвы; травля в буржуазной прессе; английская политика и гарантийный договор; подготовка к войне и блокаде; выступление Каутского и социал-демократической прессы и т. д.), — все это симптомы всеобщего обострения положения.

Весьма важным моментом в этом комплексе является новая ориентация Германии на Запад. Эта ориентация создает новое общее настроение в народе и отчасти находит свое отражение в наименее сознательных частях пролетариата. В массах германского пролетариата следует отметить два процесса: во-первых, новая волна симпатий к Советскому Союзу; социал-демократические рабочие начинают эволюционировать в направлении коммунизма, правда, не прямо к коммунистической партии, а окольными и своеобразными путями, которые партия должна научиться правильно оценивать.

С другой стороны, в известных — хотя и незначительных — деморализованных частях пролетариата наблюдается рост так называемых „антимосковских" тенденций, являющихся выражением новой ориентации буржуазии. Этот процесс отчасти имеется и в КПГ. Так называемая ультра-левая тенденция иногда является лишь ширмой для социал-демократических реформистских „левистских"[1]) настроений, грозящих вылиться в прямое предательство международного рабочего класса. Оба эти процесса носят международный характер, и поэтому особенно важны.

Без сомнения, когда левая вступила в Центральный Комитет, имелся налицо целый ряд отягчающих положение моментов: октябрьское поражение, шесть месяцев подполья, правительство Макдональда, левые выборы во Франции, план Дауэса и связанные с ним реформистские иллюзии в широких слоях

[1]) По имени ренегата Пауля Леви. Прим. переводчика.

пролетариата. Но, несмотря на это, до известной степени неизбежные потери партии были бы не так сильны, если бы руководящая верхушка партии не допустила вышеупомянутых тяжелых ошибок.

Мы должны констатировать, что упомянутая руководящая группа ЦК никакими способами не сумела правильно реагировать на новые процессы в рабочем классе. Несмотря на общее положение, которое ни в коем случае нельзя признать плохим, число членов партии в лучшем случае остается неизменным; в профсоюзах наблюдается серьезный упадок работы; сильные потери во время политических выборов; недостаточное развитие вербовочной силы партии, несмотря на внешнее единство, которое ни в коем случае не является большевистским единством, — вот к чему мы пришли в настоящий момент. Руководящая группа не сумела завоевать социал-демократических и беспартийных рабочих.

Группа Рут Фишер—Маслов не сумела вести энергичной борьбы против так называемых „ультра-левых", а в действительности антикоммунистических тенденций и даже оказывала поддержку этим тенденциям тем, что играла в высшей степени двусмысленную роль в международных вопросах.

II. ПРОФСОЮЗНАЯ РАБОТА, КОМИНТЕРН И РУКОВОДЯЩИЕ ГРУППЫ ЦК

Эти отрицательные стороны руководящей группы особенно ярко выявились в вопросе о профсоюзах. Уже на Франкфуртском с'езде (1924 год), на котором определилась победа германской левой над брандлеризмом, возникли резкие разногласия между Исполкомом и новым ЦК по профсоюзному вопросу. Руководящая группа Маслов—Рут Фишер, правда, высказалась против грубых выпадов ультра-левых, отрицающих работу в реформистских профсоюзах, но половинчатостью своих решений (например, в вопросе о независимых профсоюзах) она доказала, что настоящая сущность и все значение вопроса о нашей профсоюзной работе остались ей непонятны. Это непонимание значения профсоюзной работы на практике в течение ряда месяцев повлекло за собой недостаточное проведение решений Коминтерна группой Маслов—Рут Фишер. Конфиденциальная телеграмма Исполкома после Франкфуртского с'езда была в циркулярном письме сообщена всем окружным секретарям, чтобы возбудить их к протесту против Исполкома. Враждебная работе в профсоюзах пропаганда до V всемирного конгресса встречала в партии недостаточный отпор.

V всемирный конгресс впервые поставил в порядке дня лозунг международного единства профсоюзов. Он считал этот новый лозунг основным элементом всей нашей большевистской

стратегии, ближайшей целью которой является завоевание большинства рабочего класса. В связи с этим V конгресс охарактеризовал правительство Макдональда, в соответствии с действительным положением вещей, как отражение — хотя и неправильное, реформистское отражение — глубокого исторического процесса развития в английском рабочем классе.

Германская делегация на V всемирном конгрессе сначала возражала против предложения Исполкома. При этом было брошено глухое подозрение, что борьба за международное единство профсоюзов есть лишь „шахматный ход русской внешней политики", попытка сближения с социал-демократическим правительством Макдональда.

Лишь после долгих переговоров удалось убедить делегацию в том, что ее политика не выдерживает критики. Обвинение в том, что борьба за профсоюзное единство основана на дипломатической игре русской внешней политики, об'ясняется лишь в корне антибольшевистской, социал-демократической психологией руководящей группы. То же самое обвинение выдвигалось самим Макдональдом, как и всеми английскими и международными социал-предателями, в целях дискредитирования борьбы за профсоюзное единство.

Борьба за единство профсоюзов есть составная часть большевистской стратегии по отношению к большинству международного рабочего класса. Кто ее не понял, тот не мог и не может правильно оценить всю мировую политическую ситуацию современности и еще менее проводить со всей энергией в собственной стране тактику Коминтерна. Этому отсутствию у руководящей группы понимания международной профсоюзной кампании соответствуют тяжелые ошибки и запоздания в ее профсоюзной работе в Германии.

Решения V всемирного конгресса по профсоюзному вопросу „проводились" слишком механическими методами; угроза организационными мерами воздействия играла при этом слишком большую роль.

Напротив, настоящая работа по просвещению и идеологическому воспитанию членов партии в направлении усвоения нашей профсоюзной политики, выработка положительной политической линии внутри Всегерманского об'единения профсоюзов носили слишком недостаточный характер.

Таким образом, усиливались тяжелые потери, понесенные нашей партией за последний год во всех областях профсоюзной работы. В то время, как оппозиция на последнем конгрессе Всегерманского об'единения профсоюзов (1922 г.) насчитывала 88 делегатов, на конгрессе этого года она представлена лишь 3—5 делегатами. Мы потеряли ряд местных организаций отдельных союзов и профсоветов. Не только количественно, но и идеологически, и прежде всего организационно, наше влия-

ние на беспартийных членов германских свободных профсоюзов (а. таковых более чем 80 проц.) сильно уменьшилось. Хотя ряд об'ективных моментов (изменившееся политическое положение, массовое исключение, реакционный устав и избирательные постановления профсоюзов) в свою очередь привел к нашим потерям, ошибки и медлительность руководящей группы ЦК играют при этом решающую роль.

Ошибки нашей профсоюзной работы раньше всего заключаются в неумении овладеть благоприятными настроениями и течениями в широких пролетарских слоях и закрепить их организационно и политически. В течение нескольких месяцев наблюдается медленное пробуждение политической активности больших частей германского пролетариата (стачка строительных рабочих и другие конфликты на почве зарплаты в различных отраслях промышленности, борьба деревообделочников, мощные демонстрации во многих крупных городах и т. д., и т. д.). Центральный Комитет не сумел реагировать на все эти явления и раньше всего использовать их для нашей профсоюзной работы.

Мы уже упоминали, что группа товарища Рут Фишер распустила легкомысленным образом прежний профсоюзный отдел ЦК. Твердое обещание представителя ЦК предложить на X с'езде партии вновь образовать крепкий профсоюзный отдел не было выполнено. Это может об'ясняться двумя обстоятельствами: или руководящая группа з а б ы л а провести решение Коминтерна, или она н е х о т е л а его провести. В первом случае она забыла выполнить одну из важнейших организационно-политических партийных задач, во втором случае она саботировала волю Коммунистического Интернационала. В обоих случаях она взяла на себя тяжелую ответственность перед партией и Интернационалом.

Одной из причин, почему руководящие товарищи этой группы не оказались на высоте профсоюзного вопроса, является недостаток у них веры в политическую силу и активность как членов партии, так и всего рабочего класса. Этот пессимизм некоторых партийных товарищей, который является чем угодно, но не большевизмом, находит свое выражение, например, в следующих рассуждениях:

> „Если отвлечься от функционеров верхушки и дать себе труд спуститься к массам членов партии, можно увидеть, что наши рабочие на предприятиях, защищая коммунистическую партию, чувствуют себя неуверенно. Они чувствуют себя не как будущие победители, а как люди, действующие по традиции, преданные партии потому, что это принято“ (Речь тов. Рут Фишер на пленуме Центрального Комитета 9—10 мая с. г.; ср. протокол в брошюре „Монархистская опасность и тактика КПГ“, стр. 55).

Мы почти убеждены, что эти рассуждения являются недооценкой германской компартии, принадлежащей, несмотря на все дефекты ее верхушки, к числу самых здоровых, лучших пролетарских секций Коминтерна.

Еще резче указание в речи Рут Фишер (в германской комиссии президиума), что „массы бегут от будничной работы и играют в солдатики“.

> „Я полагаю, что причина этих трудностей коренится в двух главных моментах, находящихся в связи друг с другом. Во-первых, в скрытом ликвидаторском настроении, проникшем глубоко в массы членов и нашептывающем им: „Мы не достигли победы, зачем же нам мучиться и строить коммунистическую партию. Мы можем с таким же успехом вести классовую борьбу и в рядах социал-демократии. Примером и показателем этого служит то обстоятельство, что наши партийные товарищи со слишком страстным воодушевлением идут на демонстрации и в Красный союз фронтовиков. Почему? Потому, что они рисуют себе, что они стоят уже у завоевания власти, и они могут играть, таким образом, в революцию, не проделывая маленькой организационной работы. Я убеждена в том, что демонстрационный характер у нас преобладает, потому что наши члены бегут на эти демонстрации, чтобы не проделывать повседневной работы в профсоюзах и на предприятиях“.

Эти взгляды не имеют ничего общего ни с реальным положением, ни с большевизмом. Они представляют собою попытку заменить самокритику руководящей группы неверной критикой всех партийных членов. Эта недооценка партийных членов и рабочих масс является дальнейшим ключом к ошибкам упомянутых товарищей и в профсоюзной работе.

В противоположность этим уклонам задача руководства заключается в том, чтобы укреплять доверие партии к собственным силам и ко всем здоровым силам рабочего класса, чтобы будить в них дух борьбы и воспитать сознание собственной растущей силы.

III. ОТНОШЕНИЕ К КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ

Крупные политические течения в массах рабочего класса не остаются также без влияния на партию революционного авангарда пролетариата. Стремление все более широких слоев рабочего класса к смычке с победоносным пролетариатом Советского Союза отражается в наших собственных рядах внедрением ленинизма, усвоением опыта большевиков. Обратно,

колебание и предательство известных рабочих групп, находящихся под влиянием буржуазной антимосковской травли, находит свое отражение в „антимосковских", т.-е. направленных против Советского Союза, против РКП, против Коминтерна, тенденциях внутри нашей партии.

Эта опасность в КПГ тем более велика, что все ее теперешние направления и оттенки без всякого исключения еще находятся в сильной зависимости от влияния социал-демократических, „западно-европейских" традиций.

До сих пор каждый уклон от коммунистической политики начинался в Германии атакой против Советской России, РКП и Коминтерна. Семилетний опыт германской революции учит, что все этого рода уклоны, — совершенно независимо от того, носят ли они правый или левый характер, — или прямо развиваются по направлению к социал-демократии, или фактически ведут к союзу с ней. Это относится к так называемой „Германской рабочей коммунистической партии", к Леви, к Фрисланду, к некоторым брандлерианцам, к группе Шумахера и т. д.

Изменение политической ситуации, окончательный переход германской буржуазии к западной ориентации, дошедшая до кульминационного пункта травля России со стороны социал-демократии делают в настоящее время опасность анти-большевистских уклонов в КПГ сильнее и острее, чем когда бы то ни было.

Ультра-левая группа Шолем — Розенберг — Кац, упрекающая Коминтерн и его наиболее важную партию в оппортунизме, не только не имеет ничего общего с ленинизмом, но как в своем отношении к Коминтерну, так и в отношении к проблемам германской революции носит яркий антибольшевистский характер.

Опасный по существу социал-демократический уклон этого рода имеется, однако, налицо не только в официальной ультралевой группе, но и у руководящих товарищей группы Маслова — Рут Фишер. Произведения тов. Маслова не могут оцениваться как вклад в дело серьезного, добросовестного теоретического воспитания партии в духе ленинизма. В особенности его последние литературные работы представляют собою скрытую, в высшей степени опасную атаку на основы ленинизма и на всю политику Коминтерна в настоящий период.

В своей книге „Две революции 1917 года" (т. 1-й, раздел 4-й. Стр. XXXXV) тов. Маслов пишет следующее о третьем мировом конгрессе Коминтерна:

> „На III мировом конгрессе, по твердому моему убеждению, допущены такие крупные ошибки, что он принес европейским (!!) партиям гораздо больше вреда, чем пользы. Само собой разумеется, что это относится и к КПГ.

На III мировом конгрессе на левых была произведена генеральная атака, дошедшая до смешного: ведь т. Троцкий даже в партии Фроссара... в КПФ... тоже открыл в высшей степени серьезную „левую опасность“. К сожалению, т. Ленин допустил ту же ошибку. Это единственная известная мне (!) ошибка со стороны Ленина в вопросе о партии. Так не понимать характера такой партии, как КПГ с ее сильными социал-демократическими традициями, при этом верно оценивая об'ективные условия, не дававшие никакого материала к левым эксцессам..

III конгресс по существу оправдал Леви...

Конгресс толкнул германскую партию, как и французскую, вправо и послужил источником тяжелого и длительного ликвидаторского кризиса...“

Исполком заявляет перед лицом всего Коммунистического Интернационала, что этот чудовищный выпад против Ленина и ленинизма никоим образом не может быть терпим.

Упрек, что Коминтерн не только признал критику некоторых ультра-левых ошибок партии со стороны Леви, но и по существу оправдал левистскую ренегатскую группу, что Исполком на третьем конгрессе „толкнул“ европейские партии в об'ятия оппортунизма, что он послужил источником ликвидаторства германской партии, — есть повторение того, что Рюлле, Пфемферт и прочие скатившиеся к контр-революции члены рабочей коммунистической партии говорили в 1921 году. Тов. Маслов пытается противопоставить мнимому оппортунизму Ленина — чистый, левый, специфически „западно-европейский“ коммунизм. Это точно соответствует платформе Пауля Леви, Фроссара, Хеглунда и всех врагов ленинизма.

Под видом борьбы против троцкизма и против ренегата Леви Маслов ведет атаку против Ленина, который будто бы „не понял характера КПГ“. Под маской борьбы против „западно-европейских“, т. е. антибольшевистских, уклонов от коммунизма Маслов пропагандирует „западно-европейский коммунизм“ худшего сорта.

Отнюдь не случайно, что тов. Маслов в настоящий момент, в 1925 г., избрал целью своей атаки именно III мировой конгресс.

III конгресс именно олицетворяет то конкретное зерно в цепи развития ленинизма и Коминтерна, которое в данной ситуации имеет величайшее непосредственное практическое значение для всех коммунистических партий и в первую голову для германской. III мировой конгресс состоялся в момент, который может считаться поворотным пунктом международной пролетарской революции, в момент перехода от периода бурного

революционного под'ема в послевоенные годы, 1919—1920, к периоду замедленного революционного развития от 1921 до 1925 гг. и далее. На основе новой оценки мирового положения третий конгресс под руководством Ленина формировал новые выводы в отношении тактики всех коммунистических партий.

В то время, как I и II конгрессы определяли стратегию и тактику Коминтерна лишь в общих чертах, третий мировой конгресс выработал конкретную политику коммунистических партий для данного переходного периода — между двумя революциями. В центре внимания нашей политики он поставил лозунг: „ближе к массам", т.-е. взял курс на завоевание огромного большинства рабочего класса. Тем самым он положил начало большевистской тактике единого фронта, образующей ось нашей теперешней политики.

Кто — как тов. Маслов — отрицает этот важнейший поворотный пункт нашей тактики, кто дискредитирует его в качестве правого уклона, кто осмеивает его, как уступку троцкизму или ренегату Леви, тот нападает на основы Коминтерна.

Практические выводы из ложной теории тов. Маслова неизбежны. Если отрицать основы тактики единого фронта, то ее практические результаты должны быть сведены к нулю. Если утверждать, что „Ленин не понял характера германской коммунистической партии", то нельзя руководить этой партией в духе ленинизма. Идеология тов. Маслова находится не только в тактическом, но и в принципиальном противоречии к ленинизму. Она является одной из коренных причин того противодействия, на которое и в настоящий момент наталкивается тактика Коминтерна внутри КПГ. Это одна из коренных причин того постоянного непонимания, с которым руководящая группа германского Центрального Комитета и сейчас относится к профсоюзной работе, этому стержню нашей политики. Наконец, она является одной из коренных причин постоянного кокетничания с ультралевыми группами со стороны их мнимых „противников" с тов. Масловым и Рут Фишер во главе.

Отношение группы тов. Маслова к Коминтерну со времени III конгресса есть отношение неправильное, небольшевистское. На Иенском партийном с'езде эта группа вела борьбу с точкой зрения Ленина и Исполкома. Она критиковала не только — в этом она была совершенно права — оппортунистическое искажение тактики единого фронта брандлерианцами, но она выдвинула также самые различные опасения и оговорки против правильной тактики единого фронта Коминтерна, как и против лозунга „рабоче-крестьянское правительство". Антибольшевистские тенденции до недавнего времени играли преобладающую роль в ее среде. Группа Маслов — Рут Фишер не безнаказанно вопреки всем предостережениям Коминтерна находилась в тече-

ние пяти месяцев в тесном союзе с группой Шолем — Розенберг — Кац. На Франкфуртском партийном с'езде тоже выявились „антимосковские" нападки на Коминтерн (по профсоюзному вопросу, по вопросу о составе ЦК и т. д.). В течение последнего года тов. Рут Фишер, несмотря на возражения Исполкома, многократно посылала эмиссаров в различные секции Коминтерна, „миссия" которых состояла в том, чтобы фракционным путем изменять тактику Исполкома. В результате этих поездок германская партия была дискредитирована в братских секциях Коминтерна и отдалилась от них. С особенной остротой эти тенденции сказались на последнем с'езде. Все предложения Исполкома по вопросу о профсоюзах и о Центральном Комитете были отклонены, несмотря на данные раньше обещания. Об обещанном демонстративном повороте в нашей профсоюзной политике не было и речи на с'езде — за исключением доклада тов. Тельмана.

Всем делегатам с'езда был роздан Центральным Комитетом особый номер берлинского „Функен" („Искра"), главное содержание которого представляет „дипломатическая" атака Маслова на Коминтерн. В статье „Несколько замечаний о наших десяти с'ездах партии" Маслов, между прочим, пишет:

> „Группа КПГ, ставшая впоследствии левой, накануне IV всемирного конгресса выдвинула — и она была совершенно права — лозунг: „Назад, ко второму всемирному конгрессу". В уже упомянутой „Книге воспоминаний" тов. Цеткин рассказывает, что Ленин смеялся над этой глупостью. Я не сомневаюсь в этом, так как я представляю себе, в каком виде этот лозунг был ему изложен.
>
> Тем не менее, IV конгресс, несмотря на насмешки Ленина, снова решительно подтвердил 21 условие, и недаром V мировой конгресс снова должен был сознательно и категорически вернуться к принципам второго конгресса"...

Маслов снова пытается, путем демагогического противопоставления II, IV и V мировых конгрессов, с одной стороны, и III с другой, идеологически нарушить единство политического развития Коминтерна и дискредитировать основу коммунистической политики в настоящий период. Маслов далее выставляет неверное положение: „к сожалению, сторонники Леви находили поддержку в русских товарищах".

За этими выпадами против русских товарищей следует в статье Маслова опять-таки опасная легенда, что „сторонники Леви на конгрессе в Москве (.) с полным правом считали себя победителями".

Третий конгресс, — пишет Маслов, — „прежде всего помешал КПГ самой ясно разобраться в положении вещей. Таким образом, III конгресс... оказал на КПГ такое же действие, как

два года назад Гейдельбергский с'езд: несмотря на правильное решение... **вредное влияние**".

„Если бы принципы второго конгресса были выдвинуты без указания на **пугало „левой" опасности**, то... вероятно, кризис в КПГ, а также в КПФ, был бы значительно сокращен".

Но и Исполком и русские товарищи (!) совсем не были единодушны"....

Далее Маслов пишет, что не его собственная группа, а Исполком „долго мешал германской партии установить хорошие взаимоотношения с Исполкомом". Он рассказывает следующий анекдот:

„Когда Исполком после Иенского с'езда хотел исправить свои (ничем не оправдываемые) нападки предложением послать в Москву берлинскую делегацию, было уже слишком поздно: организация единогласно **отклонила** это „**приглашение после обеда**", и Фрисланд, который тогда был уже правым, написал по поручению организации письмо об отказе приехать".

Последние слова являются беспримерной попыткой дискредитирования Коммунистического Интернационала в глазах германских рабочих. Антибольшевистская игра группы Маслова лучше всего показывает, что Ленин на III всемирном конгрессе не сочинил „пугала левой опасности", а что эта опасность еще сейчас, через четыре года после III мирового конгресса, стесняет развитие германской партии, препятствует здоровой политической работе и отравляет ее идеологию. Самый ярко выраженный представитель этой левой или скорее левистской опасности — это сам Маслов и его взгляды о третьем конгрессе.

Вся германская партия и, прежде всего, лучшие товарищи германской левой во всех партийных организациях и округах обязаны всеми силами бороться с культивируемой группой Маслова — Рут Фишер небольшевистской системой взаимоотношений партии с Коминтерном.

Необходимо порвать, окончательно порвать также с системой „двойной бухгалтерии", которую упомянутые товарищи в продолжение целого года применяли по отношению к Коминтерну. Вместо того, чтобы искренне проводить правильную линию Коминтерна, эта группа прибегала к постоянным попыткам оттягивания путем указаний на мнимое толкание „вправо" со стороны Исполкома. В то же время она постоянно оказывала противодействие Исполкому, указывая на мнимое „тяготение членов партии в сторону ультра-левой".

Опыт истекшего периода борьбы со времени Франкфуртского партийного с'езда показывает всем немецким коммунистам

от первого до последнего, что Коминтерн во всех спорных вопросах был по отношению к группе Маслова — Рут Фишер безусловно прав. Он был прав в вопросе о тактике единого фронта и о профдвижении. Он также был прав в вопросе о выборах в президенты, а также в своих предостережениях, — тщетных предостережениях, — в течение ряда лет против ультра-левых опасностей в германской партии.

Мы твердо убеждены, что коммунистические рабочие Германии очень быстро признают, что и в настоящей борьбе вокруг вопроса о внутрипартийном курсе КПГ и о ее взаимоотношениях с Коминтерном, о взаимоотношениях с германскими рабочими массами и с ленинистской теорией Коминтерн безусловно прав, — в то время как группа Маслов — Рут Фишер во всех этих вопросах безусловно не права.

IV. ВНУТРИПАРТИЙНАЯ ЛИНИЯ

Руководящая группа Центрального Комитета партии не сумела найти правильные пути, чтобы связаться с массами. Произошло это потому, что ее внутрипартийная политика была неправильной.

Как упомянуто, вопросы внутрипартийной жизни подробно обсуждались с делегатами германского ЦК на пленуме расширенного Исполкома. Представители Исполкома указывали на то, что ультра-централизм, механический нажим, преобладание административных репрессий и пренебрежение пропагандой и методами убеждения вообще, боязнь перед новыми силами и т. д., неизбежно должны были иметь на партию опустошающее влияние. На тогдашнем совещании было постановлено укрепить внутрипартийную демократию. Мы были того мнения, что после того как победа над правой достигнута, после того как левая получила перевес в партии, после того, одним словом, как были созданы организационные гарантии правильной, в целом, общей политики, — на первый план должны быть выдвинуты проблемы партийного воспитания. С другой стороны, мы полагали, что пределы новых руководящих кадров партии должны быть расширены: необходимо гарантировать возможность более широкого выбора партийных функционеров, что невозможно без дискуссии, выборности, сознательной политики привлечения и испытания новых рабочих. В связи с этим мы требуем привлечения новых сил, в том числе лучших членов из числа прежней оппозиции, которые остались верными Коминтерну и партии. Но эта работа не была выполнена. С другой стороны, у нас этот вопрос был связан с вопросом об отношении к беспартийным и социал-демократическим рабочим. Ибо если в партии прибегают исключительно к административным средствам воздействия, то ту же политику в еще усиленной степени перено-

сят на вне партии стоящих рабочих и, таким образом, отрезывают себе пути к завоеванию новых рабочих. Мы полагаем, что без этих внутрипартийных реформ партия не в состоянии будет проводить правильную политику среди масс. Поэтому Исполком требовал реформ в направлении „нормализации“ партийной жизни. Во время расширенного Исполкома германская делегация с тов. Рут Фишер во главе приняла эти предложения.

Еще раз эти проблемы обсуждались в германской делегации незадолго до партийного с‘езда. Исполком предложил расширить Центральный Комитет введением работников, тесно связанных с массами. Русские товарищи указали на то, что РКП со времени смерти Ленина сильно увеличила число членов Центрального Комитета и, таким образом, усилила ЦК, укрепила его авторитет и в то же время создала лучшие связи с партийной массой, что в связи с внутрипартийной демократизацией создало также лучшие связи с рабочими массами, стоящими вне партии (Ленинский призыв).

Германский с‘езд партии был, однако, так подготовлен и проведен, что вопреки всем обещаниям было достигнуто как раз обратное. Несмотря на существование в партии сильных групп (ультра-левые и правые), этот факт не нашел абсолютно никакого отражения на самом с‘езде. Не было политической дискуссии, так как каждая делегация заранее подробно обсудила, что должно быть сказано; даже на самом с‘езде высшей инстанции партии свобода дискуссии была аннулирована. Насколько слабо был подготовлен с‘езд, показывают напечатанные предложения из округов. Было только 7 предложений: одно относительно языка эсперанто (!), четыре — о взносах, одно — о рабкорах и одно — о коммунальных курсах.

Такие же явления можно констатировать в идеологической области. Никогда в рабочей прессе мы не видели такой рекламы, какая была создана для брошюры тов. Маслова. В действительности же эта брошюра состоит исключительно из правильных цитат и совершенно неправильных замечаний тов. Маслова. По этому образцу пытались развивать идеологическую жизнь партии.

Вовсе не было бы худо, если бы личный авторитет вождей стоял высоко. Но этот авторитет должен основываться на коекаких предпосылках, а не приобретаться механически. К сожалению, мы видим нечто иное, и в этом опасность для всей партии.

Партии недостает контроля снизу, то-есть со стороны членов партии. В то же время руководящая группа постоянно борется против контроля сверху, то-есть со стороны Исполкома Коминтерна. Этим путем было создано такое положение вещей, когда чувство ответственности утрачено, что привело к различным совершенно невыносимым моментам.

Подобная структура партии совершенно парализует развитие ее вербовочной силы. Подобная система гибельным образом действует на самую партию. С этой системой необходимо порвать, чтобы избежать еще большего кризиса, который может привести к поистине катастрофическим результатам.

V. ОПАСНОСТЬ БЕСПРИНЦИПНОСТИ

Практический большевизм состоит, между прочим, в том, что партия действует на основе теоретически признанной, честно продуманной политической линии. В группе же Маслова—Рут Фишер внутреннее убеждение, внутренняя оценка положения находятся в резком противоречии с принятой линией. Глубокая сущность этой группы весьма пессимистична: нет никакой революционной перспективы, массы совершенно пассивны, бегут от повседневной борьбы, играют в солдатики и т. д. Завоевать их на свою сторону — задача невыполнимая. С другой стороны, Коминтерн „требует" завоевания масс. Это уже само по себе вносит разлад в поведение этой руководящей группы. С пессимизмом связано заигрывание с ультра-левыми. В результате требований Интернационала получается их признание на бумаге, попытки провести их в жизнь без веры в их значение. Отсюда вытекает шаткая позиция и политическая несостоятельность этой группы, несостоятельность, сочетающаяся с самого скверного сорта дипломатией по адресу Коминтерна.

Типичным образцом этого является X партс'езд.

Мы уже видали, какова была его „идейная" подготовка: тов. Маслов писал статьи, сводившиеся исключительно к тому, чтобы дискредитировать значение III всемирного конгресса, вырвать почву из-под всей тактики Интернационала и на ряду с этим создать почву для ультра-левых группировок.

Формально на партс'езде велась борьба против ультра-левых. С другой стороны, как только дело дошло до конфликта с Интернационалом, политическая линия тотчас же была забыта и с ультра-левыми был заключен блок. В Москве же тов. Рут Фишер заявляла, что партс'езд был настроен ультра-лево и что она не могла ничего против этого поделать, несмотря на все свое желание! С одной стороны, ультра-левые настроения всячески поощряются, с другой стороны, вам заявляют: мы были поставлены перед совершенным фактом и не имели иного выхода.

Эта „тактика" уже имеет свою традицию. Тов. Фишер всегда ссылалась в Москве на то, что „массы мешают ей проводить рекомендуемую Исполкомом политику", а в Берлине говорила, что Коминтерн навязывает ей неправильную политику.

Эти навыки сказались и в речи тов. Шнеллера (впоследствии т. Шнеллер признал свою ошибку), заявлявшего в Москве (с целью защиты лиц), что левая обанкротилась. Мы считаем это утверждение неправильным. Обанкротилась не левая, а лишь некоторые вожди этой левой. Что же касается левой, она окрепнет иными путями, завоевывая на сторону своих убеждений все большие и большие слои партийной массы и развертывая энергичную положительную работу.

В принципиальной борьбе, которая ведется против Коммунистического Интернационала, крупную роль играет аргумент, якобы мы постоянно стараемся „толкнуть“ германскую партию вправо.

Еще раз констатируем, что во всех существенных проблемах последующий опыт целиком оправдал точку зрения Коминтерна. Теперь это уже совершенно ясно для каждого. Лишь человек весьма ограниченного политического кругозора может не понимать, что, не придерживайся мы этой тактики, мы бы вместо партии имели лишь горстку коммунистов, при чем горстку очень плохую.

Но легенде о постоянном „подталкивании“ Коминтерном партии „вправо“ надо решительно и раз навсегда положить конец. Мы подчеркиваем, что в данный момент Исполком критикует руководящую группу не под правым, а под левым углом зрения. Мы квалифицируем, как сознательную ложь, утверждение, якобы Коминтерн старается тащить партию „вправо“. Мы настаиваем на предлагаемых реформах как раз потому, что хотим вытащить левое крыло, а с ним и всю партию из болота.

VI. ЗАДАЧИ ПАРТИИ

Критика ошибок игравшей до сих пор руководящую роль группы принесет действительную и длительную пользу лишь в том случае, если поведет к лучшему и более твердому выполнению положительных задач партии при завоевании на свою сторону массы.

Важнейшая задача партии состоит в данный момент в том, чтобы своевременно и энергично реагировать на прокладывающую себе путь политическую перегруппировку в рядах германского пролетариата. Крупнейшим фактором за последние месяцы надо считать уже начавшийся отпор широких рабочих масс „западной ориентации“, т.-е. переход буржуазии на сторону антантовского империализма, их отпор руководящей верхушке II Интернационала и поворот этих рабочих масс лицом к Советской России и — пусть обходным путем — к пролетарской революции. Не переоценивая значения и темпа этого процесса развития, партия должна сосредоточить свое внимание на этих

новых явлениях, внимательно следить за их развитием и учитывать их при каждом практически предпринимаемом политическом шаге.

Все будет зависеть от умения партии в большой мере увеличить свою вербовочную силу. По отношению к развивающимся в левом направлении массам соц.-дем. рабочих партия должна найти новые формы, новый тон и новое содержание своей агитации. Она должна точно знать и изучать все, что происходит в лагере социал-демократии, и путем агитации влиять, сообразно местным условиям, в округах, районах и местных организациях. Надо, чтобы социал-демократические рабочие массы, медленно, с колебаниями, но несомненно отходящие от своих контр-революционных вождей и поворачивающиеся лицом к пролетарской революции, чувствовали, что коммунистическая партия есть, действительно, партия рабочих, партия, неуклонно ведущая борьбу за его интересы, его частичные требования, его злободневные нужды, партия, видящая в рабочих не только об'ект для агитации, но своих классовых собратьев, и честно добивающаяся установления единого пролетарского фронта в классовой борьбе.

Под углом зрения этой главной задачи надо предпринимать все прочие политические шаги. Под этим углом зрения в первую голову надо развертывать нашу парламентскую работу. В любом месте и по каждому политическому вопросу мы должны искать себе трибуну, с которой партия могла бы говорить с рабочей массой, организованной в профсоюзах и в социал-демократической партии, с целью привлечения этой массы на сторону классовой борьбы. Под этим углом зрения мы должны трактовать вопросы гарантийного договора Лиги Наций, торговых договоров, кредитов, пошлин, налогов, жилищной политики и т. д.

На ряду с этим борьба против монархической опасности, против классовой юстиции, за полную амнистию и т. д. должна быть увязана с повседневной экономической борьбой пролетариата за лучшую заработную плату и лучшие условия труда.

Для того, чтобы действительно найти доступ к лучшей части германских рабочих социал-демократов, необходимо повести борьбу против эксцессов, являющихся остатком того времени, когда борьба шла с оружием в руках. Величайший вред делу всего рабочего класса приносят, например, случаи взаимных избиений коммунистов и социал-демократов (на собраниях, среди молодежи и т. п.), которые имеют еще и до сих пор место по вине с.-д., но иногда и не без вины коммунистов. Контр-революционным вождям германской социал-демократии такие взаимные избиения только на руку, и, разумеется, эти вожди сознательно разжигают такую борьбу. Коммунисты должны взять на себя инициативу окончательного устранения таких

явлений, что, разумеется, требует доброй воли также со стороны с.-д. рабочих.

Нужно научиться не только на словах, а на деле различать между контр-революционными соц.-дем. вождями и широкой массой с.-д. рабочих. Наша пресса, в особенности наши газеты на предприятиях (стенные газеты и т. п.), должны уметь вести агитацию против преступной политики с.-д. вождей так, чтобы каждый рабочий с.-д. на данной фабрике или заводе чувствовал, что к нему, к рабочему, стоящему у станка, к его низовому депутату в фабрично-заводский совет отношение другое, чем к „высокопоставленному" „барматовскому" вождю, продающему рабочих направо и налево в парламентах.

Подлинный, заметный для всех рабочих сдвиг произойдет лишь в том случае, если партия сосредоточит все свои силы на оживлении нашей профработы. Наша профработа должна разбить на-голову с.-д. партию Германии, наша профработа должна создать единый красный фронт.

Партия, ее профсоюзные фракции, базируясь на поездке первой рабочей делегации в СССР, должна развернуть во всех союзах, местных профсоветах и единичных профячейках широкую агитацию. Поездка эта должна вызвать могучий отклик во всем германском рабочем движении.

Тягу рабочих к единству профдвижения нужно как можно скорее использовать для выкристаллизовывания левого крыла в профсоюзах по образцу английского рабочего движения. Вот ближайший шаг вперед к единству в германском и международном движении, который должен быть сделан германской партией. Широкое движение в пользу единства профсоюзов охватит самые широкие массы и вызовет новый приток членов в свободные профсоюзы, если коммунистическая партия станет движущей силой в деле установления единства профдвижения. Коммунисты должны научиться развивать в профсоюзах самую лучшую, самую энергичную, деловитую работу в профсоюзах, они должны наглядно доказать членам профсоюзов, беспартийным и социал-демократам, что, будучи большевиками, они в то же время умеют быть активными профработниками. Это возлагает на наши фракции в профсоюзах целый ряд задач: действительное внедрение в жизнь профсоюзов, тщательнейшее изучение экономических и политических соотношений (сущности концернов, экономической кон'юнктуры, положения отдельных отраслей промышленности, особенностей того или иного хозяйственного района и т. д.), выработка четкой и основанной на знании дела тарифной и социальной политики, руководство экономической борьбой, в частности стратегия стачек, определенное отношение ко всем организационным вопросам, возникающим в профсоюзах, борьба за производственные союзы, серьезный учет роли и задач фабзавкомов,

сугубое внимание к интересам рабочей молодежи в профдвижении, к интересам работниц и т. д.

Образование сильного профотдела при ЦК КПГ должно ознаменовать действительное наличие в ЦК серьезного намерения — сделать эту работу основной работой партии.

Что означает для компартии завоевать влияние в профсоюзах в такой стране, как Германия? Это означает прежде всего завоевать и углубить свое влияние среди организованных рабочих на фабриках и заводах, в шахтах, мастерских, на железных дорогах, во всех промышленных предприятиях. Какое бы то ни было серьезное влияние в современных германских профсоюзах может иметь лишь тот рабочий-коммунист, который имеет влияние на предприятии. А между тем влияние коммунистов на самих предприятиях в последнее время ослабело. Этого нечего скрывать от себя. Нужно понять ту простую истину, что борьба компартии и социал-демократии за влияние на массы решается, в последнем счете, на предприятиях. Нужно понять, что прочное и серьезное влияние завоевывается не столько на том или другом собрании, сколько постоянной и длительной работой среди масс на самом предприятии. Нужно понять, что главная ошибка германских коммунистов за последнее время заключалась в том, что слишком много внимания уделялось „высоким“, „парламентским“ вопросам и слишком мало внимания уделялось работе на самих предприятиях.

Каким образом русские большевики в свое время победили меньшевиков? Они предоставили меньшевикам пожинать лавры на „концертах-митингах“, в парламентских кулуарах и т. д., а сами шли в низы, в глубь масс, на фабрики и заводы, и длительной работой в течение годов и годов на предприятиях, в гуще рабочих масс, они завоевали на свою сторону большинство рабочих.

Поменьше слов о том, что германская компартия является единственной рабочей партией! Побольше дела для того, чтобы неустанной работой среди самих широких масс на предприятиях действительно завоевать на свою сторону большинство рабочих!

Лучшие люди германской компартии, на предприятия и оттуда в профсоюзы! Длительная выдержка и готовность годами работать на самой простой, будничной, повседневной работе среди масс для того, чтобы завоевать влияние для своей партии — вот что нужно германским коммунистам.

Для проведения профработы необходима решительная организационная перестройка партии в духе постановлений последнего партс'езда по организационному вопросу. Выработанные в Берлине новые организационные директивы должны

быть как можно скорее проведены в жизнь. Организационная перестройка партии тесно связана с политической. Главная суть и той и другой в перенесении центра тяжести всей политической и организационной работы партии на предприятия, с целью завоевания заводской рабочей массы.

В процессе организационной перестройки на первый план выдвигаются следующие три группы задач:

1. Изменение внутрипартийного курса в смысле нормализации и демократизации внутрипартийной жизни, установление живой связи между партийной верхушкой и массой членов внутри и через посредство всех парторганизаций.

2. Серьезная и неуклонно-последовательная реорганизация партии на основе производственных ячеек.

3. Организационная увязка и закрепление коммунистического влияния во всех беспартийных рабочих организациях, первым делом в профсоюзах, но на ряду с этим и во вновь образующихся массовых пролетарских организациях.

Установление живой связи между партийной верхушкой и массой членов требует устранения сверх-централизма, привлечения новых сил не только в ЦК, но и во все руководящие партийные органы, особенно в окружные комитеты, требует гарантирования коллективной работы всей массы членов и теснейшего сотрудничества с Коминтерном. Сотрудничество с Коминтерном тем более необходимо, что оно обогащает партию опытом всего Интернационала.

На ряду с изменением внутрипартийного курса и реорганизацией партии на основе производственных ячеек, наисущественнейшее значение имеет быстрое создание системы подлинно большевистских, проявляющих большую инициативу в практической работе партийных фракций во всех без исключения пролетарских организациях, где есть коммунисты. Эта задача стоит перед партией не только в отношении профсоюзов, но и в отношении всех других беспартийных массовых организаций, независимо от того, существуют ли они уже давно или образовались только сейчас. Красный союз фронтовиков может служить прекрасным примером нового образования пролетарских массовых организаций на основе боевого опыта германского пролетариата. Необходимо быстро повернуть партию лицом к таким организациям (спортивные союзы, союзы квартиронанимателей, союзы свободомыслящих, лига революционных женщин и т. д.) и использовать их для усиления профработы.

В числе ошибок и промахов ЦК КПГ не последнее место занимает совершенно неправильная политика его в отношении германского коммунистического союза молодежи. Численная слабость и трудности, стоящие перед германским комсомолом, в значительной степени об'ясняются тем, что партия с своей

стороны ничего не сделала, чтобы помочь комсомолу подняться на высшую ступень. Но главной причиной слабости германского комсомола было то, что он вплоть до последнего времени шел тем же неправильным путем, что и партия под руководством своего ЦК, повторяя ошибки партии. Тем большее значение имеет то обстоятельство, что на X партс'езде только молодежь открыто и до конца отстаивала предложение Коминтерна. Это несомненный знак того, что молодежь без помощи партии и даже, несмотря на противодействие, оказываемое ЦК партии, самостоятельно вступила на правильный путь. А потому совершенно недопустимым надо признать поведение представителей ЦК партии, выразившееся в обструкции в отношении молодежи на партс'езде и затем в „давлении" на ЦК комсомола Германии. Партия должна понять, что подобное отношение комсомола может свести на-нет всю коммунистическую работу среди рабочей молодежи; а ведь эта работа — одна из главнейших предпосылок подлинной большевизации партии.

Организации сельской и городской мелкой буржуазии нуждаются в особом внимании со стороны партии. На ряду с этим следует, наконец, предпринять необходимые шаги, чтобы на деле проводить в жизнь в Германии ленинистскую политику в отношении крестьянства. Партия должна мобилизовать для совместной борьбы против буржуазии растущее среди мелкой буржуазии и крестьян недовольство переоценкой денежных бумаг, торговыми договорами, кредитами, налогами и пошлинами (работа коммунистических фракций в организациях по переоценке, квартиронанимательских, виноградарских, мелко - крестьянских арендаторских и т. д.).

Парламентская работа партии в общегосударственном масштабе в отдельных государствах и коммунах должна проводиться в первую очередь под углом зрения развертывания нашей работы в массовых организациях. Необходимой предпосылкой для этого является теснейшее сотрудничество между парламентскими фракциями и коммунистическими фракциями профсоюзов и т. д.

Партия ни на один миг не должна забывать, что в рядах ее попрежнему существует серьезная правая и ультра-левая опасность. Предохранить от нее могут не механические меры, а широкая, основательная, охватывающая всех членов до последнего, все организации и все ячейки просветительная и воспитательная работа партии. Идеологическое преодоление всех ошибок в практической и теоретической области произойдет легче всего путем пропитывания партии принципами ленинизма и Коминтерна, путем применения этих принципов к конкретным отношениям Германии и вытекающим из них практическим задачам партии. Широкая пропагандистская кампания среди

всей членской массы по вопросу о необходимости и политическом значении нынешней дискуссии должна послужить определенным началом этой внутрипартийной пропагандистской работы.

VII. ПОЧЕМУ ПАРТИЯ ИМЕННО ТЕПЕРЬ И БЫСТРО ДОЛЖНА ПЕРЕСТРОИТЬСЯ?

Многие партийные товарищи, вероятно, спросят, почему так „внезапно“ стала необходима перемена в руководящей группе КПГ? В действительности, дело касается вовсе не неожиданных разногласий между Исполкомом и группой Рут Фишер. Речь идет о разногласиях, существовавших вот уже целых $1^1/_2$ года, постепенно обострявшихся и вылившихся, наконец, в форму, совершенно недопустимую для партии и Интернационала. Уже не раз Исполком предостерегал руководящую группу от дальнейших уклонов в том же направлении. Еще на сессии расширенного пленума русская делегация после серьезных, длившихся целыми днями, совещаний указывала возглавляемой Рут Фишер германской делегации, что дальнейшее сохранение ею прежнего неправильного курса неизбежно вызовет тяжелый конфликт. Представители Исполкома в Германии неоднократно указывали вышеупомянутой группе на ее уклоны и ошибки. Но все советы и серьезные товарищеские предостережения были тщетны. Исполком вплоть до последнего времени старался избежать открытого конфликта и неизбежно вытекающих из него организационных мер. Только в силу этих соображений Исполком ограничился переговорами с руководящей группой ЦК партии и в надежде на оздоровление этим путем отказывался выносить обостряющиеся разногласия на суд организаций и массы членов партии. Мы старались путем воспитательного воздействия и товарищеского сотрудничества убедить группу Рут Фишер — Маслов в ее ошибках. Несмотря на все сомнения, мы избегали открытой борьбы, чтобы в момент тяжкой борьбы этого левого крыла против правых и ультра-левых уклонов КПГ не воздвигать трудностей левому крылу германской партии, с политической линией которого Исполком не раз солидаризировался. Образование внутри левого крыла германской партии сильного ядра, оппозиционного системе тт. Рут Фишер — Маслов, облегчает нам нашу задачу. Берлинский партс'езд и непосредственно следовавшие за ним события окончательно доказали тщетность надежд Исполкома на улаживание разногласий путем нормального сотрудничества. Выпады тт. Рут Фишер и Маслова диктуют вынесение внутрипартийных вопросов на обсуждение всей массы членов партии.

Пусть наши враги поднимают торжествующий вой, залезая грубыми лапами в раны германской партии! Пусть буржуазия

и социал-предатели всюду в Германии глумятся и издеваются над нашей партией. Ленин учил нас, — не считаясь с врагом, беспощадно, с большевистской откровенностью обнажать все ошибки нашей партии, единственной партии авангарда революционного пролетариата. Во всем мире нет ни единой партии, которая была бы в состоянии так открыто и до конца последовательно признать и разоблачить свои собственные ошибки,— как это делает коммунистическая партия. Это — единственный залог быстрого и полного преодоления ее ошибок.

Исполком глубоко убежден, что ни один рабочий-коммунист Германии, хотя бы на один миг, не даст себя сбить с толку и не собьется с пути под влиянием несомненно предстоящих победных кликов буржуазной и социал-демократической печати.

Пусть все правые и ультра-правые в наших собственных рядах думают, что пришло время для новых выпадов, пусть брандлеристы заявляют, что „левое крыло обанкротилось", — германская коммунистическая партия будет сомкнутым строем итти вперед, не обращая никакого внимания на клики правых и ультра-левых противников.

Мы еще раз повторяем: обанкротилось не левое крыло КПГ, а лишь некоторые его вожди. Левое крыло, несмотря на все ошибки в прошлом и настоящем, не просто группа отдельных товарищей. Оно призвано выполнить крупную историческую роль, оно учло уроки октября 1923 года, разбило брандлеризм, воссоединило воедино разорванную на части партию в момент тягчайшего кризиса.

Германское левое крыло должно сохранить и продолжать лучшие традиции авангарда германского промышленного пролетариата, традиции лучших, сильнейших парторганизаций, как Берлинская, Гамбургская, Рурская и Рейнская, и на ряду с этим научиться искоренять все, что есть ложного, незрелого, небольшевистского в прошлом и настоящем. Этим путем оно станет не просто левым, а подлинно большевистским руководящим ядром КПГ.

Ленин нас учил, что открыто и беспощадно критиковать наши ошибки пред лицом рабочего класса значит наполовину их преодолеть. РКП на протяжении своей 25-летней истории неоднократно, чуждая мелкобуржуазной сантиментальности и мелкого самолюбия, вскрывала и преодолевала собственные ошибки. Ее примеру последует КПГ.

Основных недочетов надо искать не в здоровой по существу пролетарской массе членов партии, а в спасовавшей верхушке. Партия стоит перед новыми крупными задачами. Положение складывается не во вред, а в пользу нам. Классовая борьба в Германии вот уже несколько месяцев идет не по нисходящей, а восходящей линии.

Лишь в том случае, если вся партия учтет знамение времени, учтет собственные силы, силы Коминтерна, непобедимую силу германского пролетариата, ей удастся преодолеть кризис и повести германский пролетариат к победе. Но тогда уже это будет наверняка.

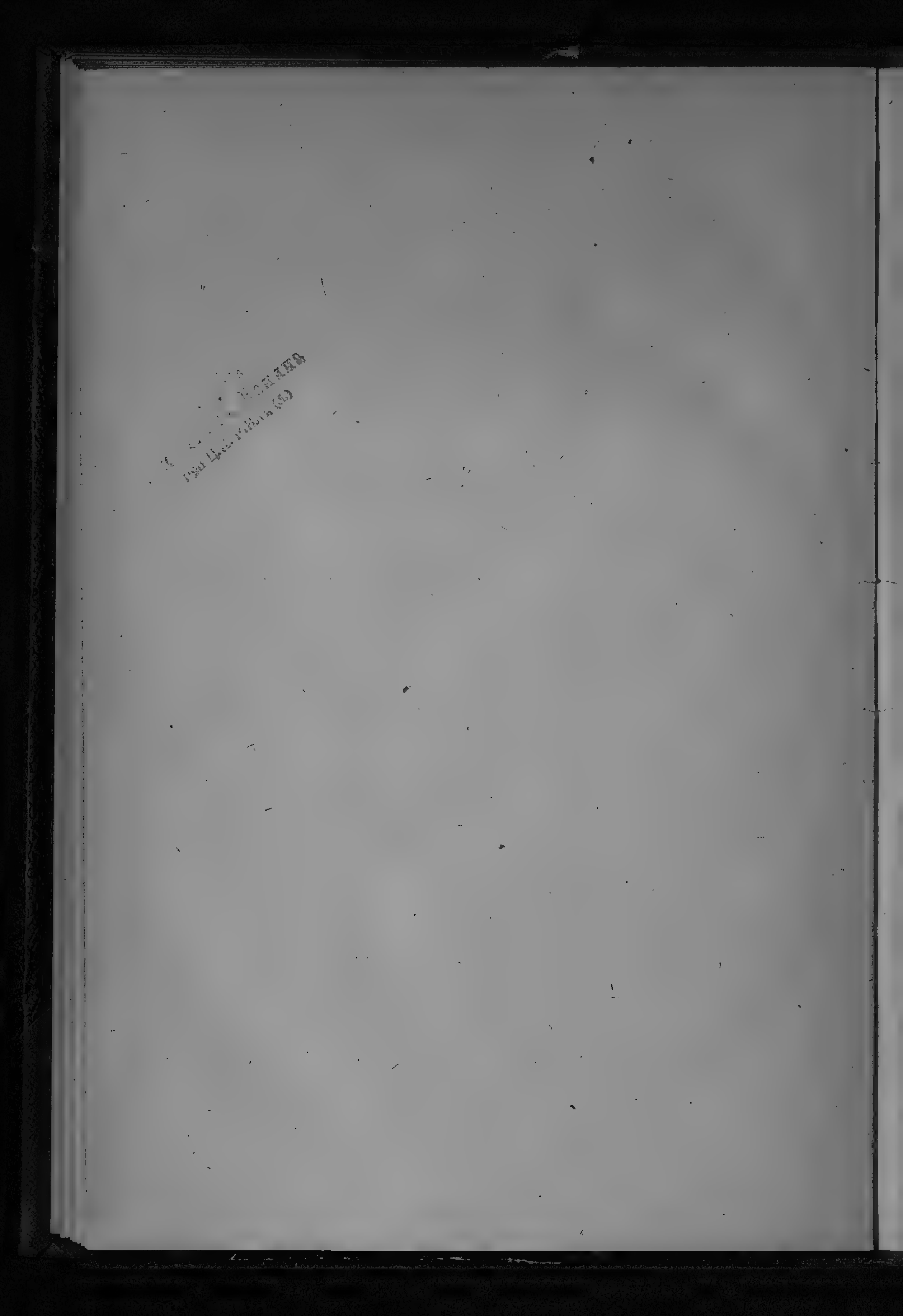
Исполком Коминтерна:

Зиновьев, Бухарин, Мануильский, Пятницкий, Лозовский (СССР); *Жакоб* (Франция), *Браун* (Великобритания), *Куусинен* (Финляндия), *Шефло* (Норвегия), *Чильбум* (Швеция), *Коларов, Дмитриев* (Болгария), *Башкович* (Юго-Славия), *Катаяма* (Япония), *Рой* (Индия), *Мицкевич-Капсукас* (Литва).

Делегация Компартии Германии:

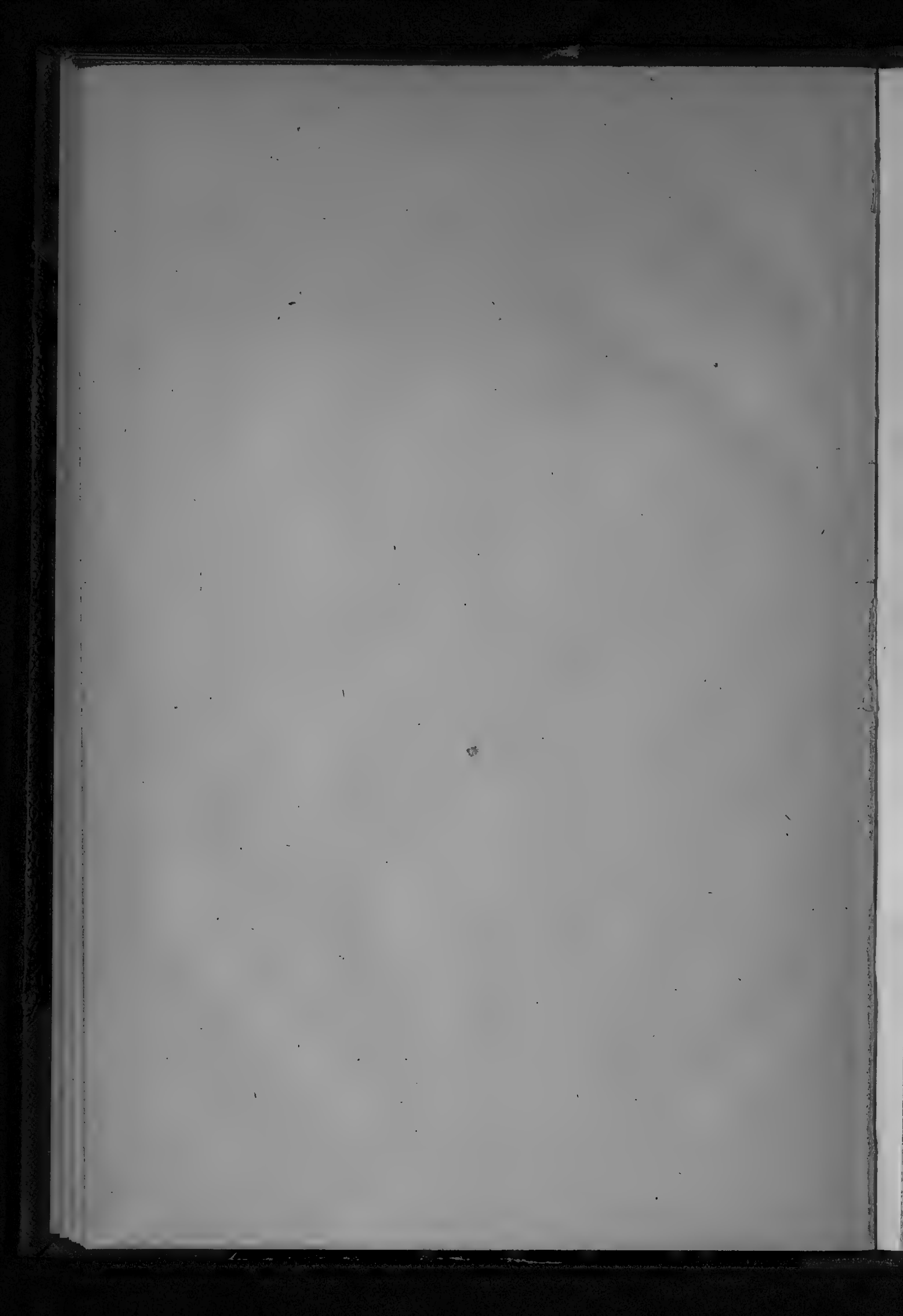
Тельман, Рут Фишер, Денгель, Шван, Шнеллер, Шер, Кюне, Стрецель, Гейнц Нейман.

ЦК Компартии Германии.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Цена 45 коп.

